
Д. К. УО

Почетный профессор Университета штата Вашингтон,
Сиэтл, США

**«Юстус Филимонатус» и «Лев Шлаковский»:
переоценка роли двух обманщиков
в истории московских «вестей-курантов»¹**

РЕЗЮМЕ

В истории приобретения иностранных известий Посольским приказом в середине XVII в. особое место занимает обширная переписка в 1643—1644 гг. некоего Юстуса Филимонатуса с кн. Львом Шлаковским, проведенная через русского переводчика во Пскове Матвея Вейгера. Хотя С. М. Шамин недавно установил, что мнимый Филимонатус являлся высокопоставленным шведским чиновником в Риге Лаврентием Грелле, и давно стало известно, что Шлаковский был иностранным обманщиком, их переписка еще требует анализа. Статья подчеркивает в установлении контактов личные цели корреспондентов, а не государственную инициативу, несмотря на то что переписка состоялась в период напряженных отношений московского правительства с Швецией и Данией. Переписка опубликована в серии «Вестей-Курантов», где, оказывается, есть и другие переводы иностранных новостей, доставку которых можно атрибутировать Филимонатусу. Чтобы установить значение переписки для информированности московского правительства, нужно учитывать перлюстрацию писем иностранцев в Москве и данные о разведке, предпринятой московскими пограничными воеводами. Так как московское правительство не реагировало на предложение Грелле установить регулярную связь для доставки новостей из Риги, прошло еще два десятилетия до учреждения иностранной почты с целью регулярной доставки иностранных газет и памфлетов.

Ключевые слова: Юстус Филимонатус, Лаврентий Грелле, Лев Шлаковский, Матвей Вейгер, Посольский приказ, вести-куранты, перлюстрация, разведка.

D. C. Waugh (Professor Emeritus, University of Washington, Seattle, USA). “Justus Filimonatus” and “Lev Shlakovskii”: a re-examination of the role of two imposters in the history of the Muscovite “vesti-kuranty”

ABSTRACT

Of particular interest in the history of the acquisition of foreign news by the Ambassadorial Chancery in the 17th century is the extensive correspondence in 1643—1644 between a certain “Justus Filimonatus” and Prince Lev Shlakovskii, facilitated by the Russian translator in Pskov, Matvei Veiger. Although S. M. Shamin recently established that “Filimonatus” was a highly-placed Swedish official in Riga, Laurentius Grelle, and it has long been known that Shlakovskii was a self-serving foreign pretender, the significance of their correspondence still invites analysis. The article emphasizes the personal interests of the correspondents, not any government initiative in the establishment of their contacts, even though the correspondence falls in a period of tense relations of the Muscovite government with Sweden and Denmark.

---

¹ Перевод статьи с английского языка М. Марковой.

The correspondence was published in the series “Vesti-Kuranty”, where, it turns out, there are other translated texts of foreign news whose acquisition can be attributed to “Filimonatus”. In order to establish the significance of the correspondence for the information level of the Muscovite government, it is necessary to consider the perustration of letters of foreigners in Moscow and evidence about the intelligence gathering undertaken by Muscovite border commandants. Since the Muscovite government did not respond to proposals by Grelle to establish a regular connection for the acquisition of news from Riga, two decades would elapse before the establishment of the foreign post for the specific purpose of the regular acquisition of foreign newspapers and pamphlets.

Keywords: Justus Filimonatus, Laurentius Grelle, Lev Shlakovskii, Matvei Veiger, Ambassadorial Chancery, foreign newspapers, perustration, intelligence gathering.

Одним из наиболее интересных эпизодов в истории доставки иностранных вестей в Россию до учреждения в 1665 г. регулярной почты из-за границы является переписка между Юстусом Филимонатусом, находившимся в шведской Ливонии, и князем Львом Александровичем Шлаковским в Москве.² Нам известно о существовании около четырех десятков писем, написанных Филимонатусом между сентябрем 1643 г. и июнем 1644 г., большая часть которых сохранилась в переводе; также имеется большое количество высланных им подробных новостных материалов. Шлаковский отвечал, но реже, и содержание его писем известно только по цитатам Филимонатуса. Официальный государственный переводчик в Пскове Матвей Вейгер также принимал активное участие в поддержании этой переписки.

До недавнего времени об авторах писем было написано мало, а личность самого Филимонатуса, использовавшего псевдоним, была неизвестна. История Шлаковского, авантюриста, прибывшего в Москву обманным путем, была задокументирована около ста лет назад, но не в связи с данной перепиской, а в связи с его переходом в православную веру.³ С. М. Шамин первым предположил, что Филимонатус — это Лаврентий Грелле (Laurentius / Lorenz Grell[e]), высокопоставленный секретарь шведской администрации в Риге; мы пришли к данному выводу приблизительно в это же время и независимо от С. М. Шамина.⁴ С. М. Шамин придерживается мнения, что этот эпизод является свидетельством шпионажа в интересах получения зарубежных известий, а в нашей интерпретации рассматривается личная заинтересованность корреспондентов. В основе данной статьи лежат дополнительные

² Эта переписка была опубликована: Вести-Куранты: 1642—1644 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. М., 1976 (далее сокращенно: В-К II). Швейцарский лингвист Роланд Шибли исследовал деятельность Филимонатуса и цитировал данную публикацию переписки, но не смог окончательно идентифицировать автора писем. См.: *Schibli R. Die ältesten russischen Zeitungübersetzungen (Vesti-Kuranty), 1600—1650: Quellenkunde, Lehnwortschatz und Toponomastik.* Bern, etc., 1988. S. 56—58.

³ *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 355—370. Исследование Цветаева продолжает более раннюю работу Барсукова о Шлаковском, см.: *Барсуков А. П.* Род Шереметевых. СПб., 1883. Кн. 3. С. 243—253.

⁴ См.: *Шамин С. М.* Иностранная пресса и русская культура конца XV — начала XVIII столетия: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. С. 89—94. Еще до защиты докторской диссертации он в электронном письме от 24 сентября 2019 г. великодушно поделился со мной имеющейся у него информацией о Филимонатусе. Я также благодарен Хейко Дросте (Heiko Droste) и Ингрид Майер (Ingrid Maier) за дополнительную информацию о материалах, имеющихся в шведских собраниях, но еще не исследованных. Некоторые письма Грелле, написанные им от своего имени, являются ценными документами; их перевод на русский язык был опубликован в В-К II вместе с документами, касающимися Вейгера.

сведения об обоих корреспондентах, причины, побудившие их вести переписку, а также ее содержание. Как и С. М. Шамин, мы пришли к выводу, что нет достаточных оснований утверждать, что московское правительство было заинтересовано в создании регулярного и надежного канала для получения иностранных вестей за два десятилетия до того, как это фактически произошло с созданием московской зарубежной почтовой службы.

Краткий обзор попыток российской стороны устроить брак между Ириной Михайловной, дочерью царя Михаила Федоровича, и датским принцем Вальдемаром позволит составить представление о ситуации и участниках этого драматического действия.⁵ В 1640 г. царь начал поиск возможности иностранного брака для своей дочери. На первоначальном этапе были проведены переговоры с купцами Давыдом Рутсом (David Ruts) и Петером Марселисом (Peter Marselis), представлявшими интересы Дании в Москве и предоставившими несколько противоречивые сведения о сыновьях датского короля Кристиана IV. Внимание привлек один из них, принц Вальдемар, который мог быть внебрачным ребенком. В декабре в Копенгаген был направлен опытный переводчик Иван Фомин (Ханс Хельмесен / Джон Хелмес), который не только убедился в том, что Вальдемар является законнорожденным сыном, но и смог достать и привезти в Москву его портрет. Затем в конце лета 1641 г. Вальдемар в сопровождении Марселиса прибыл в Москву в составе датского посольства. Следующей весной высокопоставленное посольство русского царя было отправлено в Копенгаген с секретным поручением добиться разрешения на брак Вальдемара с царевной. Однако когда российские послы неосторожно упомянули о том, что протестанту Вальдемару придется перейти в православную веру, переговоры зашли в тупик, а сами посланники по возвращении были с пристрастием допрошены и обвинены в провале миссии.

В течение недели после отъезда российского посольства из Копенгагена король Кристиан IV написал письмо от 15 августа 1642 г. с рекомендацией принять на русскую службу «графа» Матиаса Сигизмунда Шлакова (Slick / Slik / Slackoff). Вооружившись данным письмом, Шлаков прибыл в Ригу, где познакомился с «секретарем» Лаурентиусом Грелле и с членами его семьи.⁶

⁵ История этих переговоров и споры об этом браке в Москве хорошо известны. Для ознакомления с историей отношений России и Дании см.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. С. 221—226. Наиболее полное обсуждение переговоров, включая длительное пребывание Вальдемара в Москве, можно найти: *Голубцов А. П.* Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. Д. В. Цветаев в своей монографии обсуждает эти переговоры в более широком контексте брачной политики в Москве (см.: *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. С. 406—511).

⁶ В процессе дальнейшей дискуссии мы будем использовать имя Шлаков, а не Шлаковский, полученное им в Москве при крещении и переходе в православие. Ключевыми документами, проливающими свет на знакомства Шлакова в Риге, являются: В-К II. № 3. С. 16—17 (письмо Грелле, датированное 7 декабря 1642 г.); № 30. С. 76—79; № 70. С. 147 (от Филимонатуса). Грелле также написал несколько писем от собственного имени, которое в русском переводе звучало либо как Иреллеси, либо как Хреллен, возможно из-за того, что переводчики не смогли разобрать подпись (см., например, его подпись в конце письма Йохану Оксеншерну от 15 мая 1643 г., хранящегося в Национальном архиве Швеции (Riksarkivet)). В одном из более поздних писем, обращенных к Шлакову (В-К II. № 74. С. 168), скорее всего написанном в апреле 1644 г., Филимонатус упоминает, что его услуги по передаче новостей российской стороне начались за год до этого — иными словами, приблизительно весной 1643 г. Однако его переписка с Вейге-

Затем Шлаков направился в Россию и прибыл в Псков, где получил разрешение продолжить путь до столицы. Из Пскова Шлаков отправил сообщение Грелле о своем благополучном прибытии; ответ Грелле, написанный в Риге 7 декабря, уже пришлось пересылать получателю из Пскова в Москву.⁷

Большая часть письма посвящена иностранным военным новостям с различных фронтов. В конце Грелле написал, что Шлаков может узнать дополнительные подробности из приложенных «вестовых листков». Хотя нет прямых указаний на Грелле как на источник информации, возможно, что перевод вестей, опубликованный в В-К II, № 2, который следует сразу после письма Грелле в оригинальной рукописи, взят из одного из приложений Грелле.⁸ Первым идет сообщение из Гданьска (Данцига) от 23 ноября с донесением, прибывшим на корабле из Любека. За ним следуют датские и английские вести. Последнее сообщение нарушает хронологию: это донесение о заседании польского сейма 12 февраля в Варшаве, в котором цитируется, по-видимому, речь о необходимости тщательного рассмотрения вопроса, прежде чем Польша предпримет какие-либо новые военные действия. Может быть, это были старые вести от февраля 1642 г.? Если предположить, что эта сводка была получена от Грелле, можно сказать кое-что о его сети информаторов, в которую могли, по логике, входить источники, находящиеся в Гданьске, но, кроме того, и источники в Польше, как он обещал тем, для кого хотел работать вестовщиком.

В этой истории Грелле и Шлаков играют ведущие роли. Шлаков был отъявленным лжецом, который не только придумал фиктивный послужной список, чтобы получить поддержку короля Дании, и, возможно, обманул Грелле относительно того, кем он был на самом деле, но и ввел в заблуждение российских чиновников в Пскове и Москве. Возможно, мы никогда не узнаем, кем он был в действительности, кроме корыстного негодяя и самозванца. Позже, когда король Кристиан узнал об этом обмане и сообщил о нем в Москву, он называл Шлакова поляком, который был на польской службе.⁹

ром, находящимся в Пскове, в которую могла входить отправка новостей, скорее всего, началась годом раньше.

⁷ В-К II. № 3. С. 17.

⁸ В-К II. № 3 (С. 16—17) предшествует № 2 (С. 14—15) в архивной рукописи (РГАДА, ф. 155, оп. 1. 1643 г. Д. 5. Л. 45—49 и 50—53 соответственно). См. ниже дискуссию об особенностях оригинальных архивных свитков, где непосредственная близость двух документов часто предполагает один источник происхождения. По крайней мере, в № 2 даты записей, предшествующие последнему сообщению из Варшавы, соответствуют тем материалам, которые Грелле мог иметь в руках, когда писал Шлакову.

⁹ Во втором письме короля, судя по всему еще не опубликованном, написанном в Копенгагене 17 апреля 1643 г., он был назван Матиасом Сигизмундом Шлакофф (Matthias Sigismund «aff Schlauff»). Подробнее см.: *Щербачев Ю. Н.* Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене: 1326—1690 гг. М., 1893. С. 223. Здесь пересказывается письмо из архива Копенгагена. А. Олеарий указывает, что король специально упоминает, что Шлаков был «подданным графа Каспара фон-Денгоффа в Польше» (ein Untersaß des Graffen Casper von Dehnhoff in Polen), см.: *Olearius A.* Vermehrte Neue Beschreibung Der Muscowitischen und Persischen Reyse... Schließwig: Johan Holwein, 1656. S. 285. Можно предположить, что независимо от того, какой информацией о Шлакове обладал король Кристиан IV, когда он писал первое письмо, он порекомендовал Шлакова в Москву в надежде, что сможет внедрить секретного агента в российскую столицу. Если это так, Шлаков мог его разочаровать. Возможно, король все-таки знал, кем был Шлаков на самом деле, когда писал ему рекомендательное письмо.

Хотя это пока предварительные предположения, требующие дальнейшего внимательного изучения источников относительно шведской администрации в Балтийских странах, Лаврентий (Лоренц) Грелле действительно был высокопоставленным человеком, сделавшим хорошую карьеру.¹⁰ Некий Лаурентиус Грелл (Laurentius Grell) поступил в 1627 г. в университет Росточка, где сохранились свидетельства того, что он приехал из Пярну, Ливония (нынешняя Эстония).¹¹ Предположительно, тот же самый человек в 1636 г., в начале своей профессиональной карьеры, находился в Штральзунде непосредственно перед приходом Швеции к власти и работал на герцога Померании. Оттуда он писал Бенгту Бенгтссону Оксеншерну, тогдашнему губернатору Ливонии и Ингрии, подчеркивая имеющиеся у него связи для сбора вестей и предлагая свои услуги. Его «заявление о приеме на работу» оказалось успешным, поскольку далее он появляется в Риге в 1642 и 1643 гг. в качестве секретаря Оксеншерна и участвует в отправке информационных бюллетеней Йохану Оксеншерну, тогдашнему генерал-губернатору в Штеттине. В этих письмах сообщались новости о делах в России, Дании и о шведских агентах. Когда Бенгт Оксеншерн болел, Грелле, видимо, написал несколько писем от его имени. Оксеншерн умер в Риге 6 июня 1643 г., и на смену ему пришел Херманн Врангель, который умер 10 декабря. За ним в течение года должность занимал Андерс Эрикссон, который в Риге успел приобрести довольно большой опыт под руководством предыдущих генерал-губернаторов. Эти перемены в шведской администрации могут объяснить, почему Грелле пытался найти другую работу в качестве вестовщика для русского правительства. Однако Грелле остался на шведской службе и позже получил титул Рутеншельда / Раутеншильда. Таким образом, у нас есть образованный, опытный и высокопоставленный вестовщик, чьи должностные обязанности могли вполне естественно привести к знакомству со Шлаковым, с датской делегацией, которая должна была проехать через Ригу в рамках миссии Вальдемара, и с русским чиновниками в Пскове.

Ключевым посредником в переписке между Филимонатусом / Грелле и Шлаковым был официальный переводчик с российской стороны в Пскове Матвей Вейгер / Вейгес / Вейрес.¹² Вейгер служил в шведской армии до

¹⁰ Мы выражаем благодарность Хейко Дросте за информацию касательно Грелле на основе документов из Риги и Стокгольма, которые еще требуют детального изучения. Его письма, написанные в 1636 г., находятся в библиотеке университета Упсала (Universitetsbiblioteket, Uppsala): Livonica, T. 1; письма Оксеншерна в Национальном архиве Стокгольма (Riksarkivet): Oxenstiernska samlingen E 951 и E 980. В шведских административных фондах в Риге есть дополнительные материалы. Архивные описи показывают, что материалы о Грелле можно найти под различными вариантами написания его имени: Ларс / Лоренц / Лаврентиус; а вместо Грелле в некоторых случаях используется фамилия, которую он получил с присвоением ему дворянства, — Рутеншельд или Раутеншильдт. В онлайн-базе данных шведских дворянских гербов указано, что существует семейная легенда о происхождении рода от полковника польской службы, предположительно сбежавшего в Швецию после убийства польского губернатора Риги на дуэли. Облагораживание Лоренца Грелле и превращение его в фон Рутеншельда произошло в 1650 г., когда он служил секретарем Апелляционного суда в Дерпте. См.: Rutensköld nr 328 // Adelsvapen-Wiki. URL: https://www.adelsvapen.com/genealogi/Rutensk%C3%9B6ld_nr_328 (дата обращения: 8 ноября 2021 г.).

¹¹ См.: *Inmatrikulation von Laurentius Grellius* // Universität Rostock. Matrikelportal. URL: <http://purl.uni-rostock.de/matrikel/100044661> (дата обращения: 8 ноября 2021 г.).

¹² Подробнее о Вейгере см.: *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю. М., 2021. С. 76—77; *Онарина Т. А.* Иноземцы в России XVI—XVII вв. М., 2007. Кн. 1. С. 195—197; *Бобров А. Г.* Копенга-

поступления на российскую службу в 1630—1631 гг. Его знание латыни, шведского, датского, немецкого и, возможно, финского языков пригодилось для занимаемой им в Пскове должности. В его обязанности входило поддерживать тесные связи с постоянно проживающими там торговцами и переписываться со шведскими чиновниками, среди которых был Лаврентий Грелле. Очевидно, Грелле считал, что Вейгеру можно было доверять пересылку запечатанных почтовых пакетов, адресованных Шлакову, с которым переводчик познакомился, когда самозванец посетил Псков по дороге в Москву.¹³ Когда в 1644 г. в Москву прибыла большая датская дипломатическая миссия, в составе которой был Вальдемар, Вейгер был при ней переводчиком и, возможно, сопровождал ее до Москвы перед возвращением в Псков. В июне 1644 г. в рамках своих служебных обязанностей Вейгер участвовал в допросе странствующей театральной труппы, приехавшей в Псков в надежде получить разрешение на поездку в Москву.¹⁴ Не исключено, что Вейгер участвовал в действиях, которые российские власти могли бы счесть неуместными.¹⁵ Однако есть все основания полагать, что он старался сообщить своим начальникам все, что им следовало знать о его контактах. То, что пакеты Шлакову переправлялись в запечатанном виде (а не вскрывались для проверки в Пскове), было, скорее всего, обычной процедурой. В Москве они доставлялись не напрямую Шлакову, а сначала в Посольский приказ, где их вскрывали и, если в них была важная информация, переводили, а потом доставляли адресату.

Шлаков смог получить разрешение на проезд из Пскова в Москву, поскольку утверждал, что у него имеется важное письмо от короля Дании для доставки царю, когда фактически у него было рекомендательное письмо на предъявителя, написанное Кристианом IV. Если бы он представился иностранцем, желающим поступить на московскую службу, а не курьером с официальным сообщением, его бы, вероятно, отправили восвояси. Добравшись до Москвы в конце ноября 1642 г., он был опрошен в Посольском приказе и условился о встрече с Петером Марселисом, повторяя ту же историю — что у него есть важное сообщение, которое необходимо передать царю лично. Таким образом, 2 декабря он удостоился церемониальной аудиенции

генский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Демидка Воинов // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 466. А. Г. Бобров обсуждает участие Вейгера в переписке со Шлаковым, но считает Грелле и Филимонатуса разными людьми.

¹³ Когда Грелле (под именем Филимонатуса) поставил перед Шлаковым вопрос об улучшении курьерских доставок в Ригу, он особо отметил, что для конфиденциальной связи с Ригой у Вейгера был регулярный курьер, который знал Грелле лично: «а у тово Матвѣя есть такой ч(е)л(о)в(е)к извощик которово он всегда ко мне присылает и тот ч(е)л(о)в(е)к меня знает и тово мне хочетца чтоб всегда ево ко мне присылали а не иново...» (См.: В-К II. № 28. С. 72). Однако один курьер не справлялся с объемом работы и графиком регулярной связи.

¹⁴ См.: *Майер И., Шамин С.* Псковское театральное лето 1644 года: Афиша странствующих немецких комедиантов // *Родина*. 2013. № 8. С. 64—67; *Jensen C., Maier I., Shamin S.* *Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century*. Bloomington, 2021. P. 1, 5. Действуя по инструкциям, полученным из Москвы, местные власти приказали странствующей труппе покинуть Россию и отказались выдать им разрешение на проезд до Москвы.

¹⁵ Проверка почты иностранцев была распространенным явлением (см. ниже), и Вейгер здесь не был исключением. Среди переводов, сделанных в Посольском приказе в связи с обширной перепиской Филимонатуса и Шлакова, имеются письма, написанные Вейгеру из Москвы его женой, и письмо Вейгеру от Альберта ван ден Блоха, который был агентом Петра Марселиса. См.: В-К II. № 47. С. 105—106.

царя Михаила Федоровича. Шлаков передал ему не только королевское рекомендательное письмо довольно общего содержания, но и другие письма, в которых он изложил печальную историю о том, как его благородная протестантская семья во время постоянных войн в Богемии пострадала от рук католиков и лишилась своих владений. Царь и чиновники, очевидно, поверили самозванцу; он был принят на русскую службу и получил довольно щедрое вознаграждение, а в феврале удостоился еще одного приема у царя. Почти сразу же после него он объявил о своем желании обратиться в православие и, как предписывали правила, провел некоторое время в Чудовом монастыре в Кремле, готовясь к новому крещению, которое состоялось 25 марта. При крещении ему дали новое имя и титул — князь Лев Александрович Шлаковский. Прием, оказанный Шлаковскому при московском дворе, похоже, послужил для него толчком для развития мании величия. Зная, что Вальдемар никогда не согласится на требование принять православие, Шлаков, возможно, решил обратиться в православие, чтобы самому иметь возможность претендовать на руку Ирины Михайловны. Брак с царской дочерью мог принести корыстолюбивому самозванцу огромные богатства.

Один из важнейших вопросов о Шлакове касается его отношений с Марселисом и теми, кто старался устроить брак Вальдемара, поскольку это имело некоторое отношение к договоренностям, которые заключил Шлаков, чтобы получать регулярные новости из Риги. Несомненно, еще до приезда в Москву Шлаков знал, что важно посоветоваться с Марселисом. Шурин Марселиса в Москве Уильям Барнсли познакомил Шлакова с Исааком (Иваном Юрьевым) Букольтом (Бухгольцем).¹⁶ Пока Шлаков отсутствовал дома в период подготовки к новому крещению, он нанял Букольта присматривать за своим имуществом, которое оставил под замком. Имея виды на дочь царя, Шлаков был неприятно поражен, когда Букольта отправили (переводчиком) с Марселисом в Копенгаген для переговоров о заключении брака с датским принцем. Он обвинил Букольта в должностном преступлении.¹⁷ Это было примером довольно типичного поведения Шлакова, который нападал на любого, кто, как казалось ему, был препятствием для достижения его целей. Другой пример — это нападение Шлакова с бандой пьяных слуг на дом шведского резидента Петера Крузебьерна (Kruseljörn), подавшего об этом официальную жалобу. Если существовало мнение о сотрудничестве Шлакова с датчанами, оно могло быть опровергнуто тем фактом, что Шлаков предупредил власти о том, что Вальдемар пытается покинуть Россию без разрешения, после чего смогли перехватить его. Нет никаких свидетельств, что Шлакова привлекали к переговорам с Вальдемаром, хотя, казалось бы, он мог рассказать о переходе из протестантизма в православную веру. Возможно, московские власти уже поняли, что сделано это было из прагматических побуждений, а не из-за серьезных религиозных чувств. Однако казалось, что русские очень старались, чтобы Шлаков оставался доволен. Хотя он был разочарован тем, что не смог добиться руки царевны Ирины, ему достался

¹⁶ Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI—XVII вв. С. 71, 120, примеч. 184.

¹⁷ Т. А. Опарина предположила, что свита Вальдемара, и в особенности Букольт и Барнсли, нарочно разорвали отношения со Шлаковым из-за его обращения в другую веру (см.: Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI—XVII вв. С. 71—72).

«следующий из лучших вариантов» — его женой стала Марфа Васильевна Шереметева, племянница одного из высокопоставленных сановников двора боярина Федора Ивановича Шереметева. Шлаков вытягивал из русских достаточно денег, чтобы жить в роскоши в центре Москвы. У Олеариуса есть красочное описание обеда у Шлакова, хотя его несколько шокировало то, что хозяин требовал от гостей целовать свою жену в губы, после того как она подавала им выпить. Даже когда в апреле 1643 г. король Кристиан IV написал в Москву письмо с разоблачением Шлакова, царь, казалось, не хотел признавать, что ошибся в оценке этого человека.¹⁸ Где-то в 1644 г. Шлакова отправили на военную службу в Свяжск, что было своего рода внутренней ссылкой, а весной 1646 г. назначили военным губернатором в Алатырь для защиты от нападения турок. Но, по-видимому, царь Алексей Михайлович был не так снисходителен, как его отец. Вскоре Шлаков был лишен привилегии использовать отчество, оканчивающееся на «-вич» (которое полагалось только знати), и был сослан на Соловки. Шереметев, вписавший его в свое завещание, позже исключил его и лишил наследства. Всё же в течение года Шлакову было позволено вернуться и поселиться в Москве, хотя ему дали только половину от предыдущего казенного содержания. Позднее его прошение о восстановлении отчества на «-вич» было одобрено.

Пестрая жизнь Шлакова, корыстолюбивого мошенника и самозванца, оставляет вопросы о его роли в создании регулярного канала для получения новостей из Ливонии. Чья это была инициатива? Может быть, идея шла от датского двора, желающего внедрить его в Москве в качестве агента? Может быть, шведская администрация в Риге решила, что ей будет выгодно помочь Шлакову попасть в Россию и, в свою очередь, использовать его в качестве агента? Или он пытался закрепить свое положение в Москве, каким-то образом договорившись с Посольским приказом о регулярном предоставлении ему зарубежных новостей? Был ли он агентом по приобретению иностранных товаров и найму специалистов в связи с приемом Вальдемара или у него были другие интересы при русском дворе?¹⁹ Судя по тем свидетельствам о характере и поведении Шлакова, которые имеются в нашем распоряжении, он в первую очередь преследовал свои интересы. Корыстный мерзавец, конечно, может одновременно заниматься сбором конфиденциальной информации, если шпионская деятельность дает ему возможность личного продвижения. По крайней мере, есть все признаки того, что никто из тех, кто поддерживал или общался со Шлаковым, не получили ничего взамен; он быстро предавал тех, кого не мог использовать.

¹⁸ Существует ряд неясностей в исследовании Д. В. Цветаева, которые нужно уточнить путем дополнительной работы в архивах. В отношении королевского письма Олеариус указывает, что после наказания самозванца царь всё же оставил его при дворе. Также было бы важно определить, совпадает ли отъезд Шлакова в Свяжск с окончанием переписки с Филимонатусом.

¹⁹ С. М. Шамин подчеркивает, что обмен сообщениями между Грелле и Шлаковым является частью истории шпионажа, в которой участвовали как русские, так и шведы (см.: *Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура конца XV — начала XVIII столетия.* С. 89). И. Майер и С. Шамин также считают, что просьбы Шлакова к Грелле / Филимонатусу были попытками российского государства привлечь на работу иностранных специалистов, включая артистов (см.: *Майер И., Шамин С. Псковское театральное лето 1644 года.* С. 67; *Jensen C., Maier I., Shamin S. Russia's Theatrical Past.* P. 5—6). Подробнее о его просьбах см. ниже, примеч. 34.

Переписка Филимонатуса / Грелле, Вейгера и Шлакова

Для ссылок в процессе дальнейшего обсуждения мы приводим таблицу, в которую внесены письма, относящиеся к данной переписке. В основном это несколько писем, написанных Грелле от собственного имени, и большое число писем, написанных под псевдонимом Филимонатус. В то время как большинство писем адресованы Шлакову / Шлаковскому, несколько писем были написаны Вейгеру; обычно это были сопроводительные заметки к пакетам, которые он должен был переслать в Москву. Несколько писем написаны самим Вейгером. Также имеется письмо Шлакову от военного архитектора Хендрика Муклимана (Hendrik Mühlmann?) в ответ на попытку Грелле от имени последнего завербовать Мюльмана для поездки в Москву. Единственным конкретным свидетельством о письмах самого Шлакова являются ссылки на них в данной переписке.

Таблица 1. Переписка Грелле / Филимонатуса, Шлакова и Вейгера²⁰

Дата письма	Место написания	От кого> кому	Дата (место) получения	Ссылка на публикацию письма в В-К II. Примечания
*1642	Псков	Ш>Г	[≤7/ХП] (Р)	Упомянется в Г>Ш, В-К II. № 3.
7/ХП	Рига	Г>Ш	(П); (М)	В-К II. № 3.
*1643?	Рига	Г>Ш		Упомянется в Ф>Ш, В-К II. № 41.
*1643, 2./ЛХ?	[Рига]	Ф>Ш		Упомянется в Ф>Ш, В-К II. № 11. Возможно, это письмо В-К II. № 41.
30/ЛХ	Рига	Ф>Ш	23/Х (П); 3/ХI (М)	В-К II. № 11. Отправлено Г в запечатанном пакете для В в Псков; переправлено в Москву 23/Х (см. Ф>Ш, В-К II. № 20). Заголовок перевода указывает на то, что это второе письмо от Ф к Ш, очевидно высланное в том же пакете.
5/Х	Рига	Ф>Ш	23/Х (П); 3/ХI (М)	В-К II. № 11; Пр. № 7.
10/Х	Рига	Ф>Ш	23/Х (П); 3/ХI (М)	В-К II. № 11.
15/Х	Рига	Ф>Ш	23/Х (П); 3/ХI (М)	В-К II. № 17. Приложено письмо инженера Генриха Муклимана (В-К II. № 40).
	Рига	Генрих Муклиман>Ш	23/Х (П); 3/ХI (М)	В-К II. № 40. Приложено к Ф>Ш, В-К II. № 17.
16/Х	Рига	Ф>Ш	14/ХI (П) 22/ХI (М)	В-К II. № 24. Переправлено из Пскова В (см. В>Ш, В-К II. № 26).

²⁰ Сокращения в таблице: Ф — Филимонатус; Г — Грелле; В — Вейгер; Ш — Шлаков (где, например, Ф>Ш означает «от Филимонатуса Шлакову»); П — Псков; М — Москва; Р — Рига; Пр. — Приложение. Звездочкой (*) отмечены письма, о существовании которых известно только по ссылкам на них.

21/Х	Рига	Ф>Ш	14/ХІ (П); 22/ХІ (М)	В-К II. № 24.
23/Х	Псков	В>Ш	3/ХІ (М)	В-К II. № 20. Сообщается, что Г послал большой пакет писем и коробку на имя Ш; переправлено в Москву псковским воеводой.
*последняя неделя/Х?	Москва	Ш>Г	4/ХІ (П)	Упомянуется в Ф>Ш, В-К II. № 26.
28/Х	Рига	Ф>Ш	14/ХІ (П); 22/ХІ (М)	В-К II. № 24.
5/ХІ	Рига	Ф>Ш	14/ХІ (П); 22/ХІ (М)	В-К II. № 24.
*6/ХІ	Москва	Ш>Ф	8/ХІІ (Р)	Упомянуется в Ф>Ш, В-К II. № 30.
9/ХІ (2)	Рига	Ф>Ш	17/ХІ (П); 28/ХІ (М)	В-К II. № 25. Отправлено Г для В в Псков (см. В>Ш, В-К II. № 27).
*[9/ХІ?]	Рига	Г>В	17/ХІ (П)	Предполагаемое сопроводительное письмо, Г>В, для вложенного пакета с письмами на имя Ш в Москве (см. В>Ш, В-К II. № 27).
*[13/ХІ]	Рига	Г>В	3/ХІІ (П); 11/ХІІ (М)	Сопроводительное письмо для В, отправленное через «кормового моршалка Ербгарта» в Псков, для пакета с письмами на имя Ш в Москве (см. В-К II. № 34).
13/ХІ	Рига	Ф>Ш	3/ХІІ (П); 11/ХІІ (М)	В-К II. № 23; Пр. № 9. Письма к Ш, отправленные Г Ербгарту в Псков для передачи В; переправлены в Москву через стрельца сотника Семена Осокина 5/ХІІ (см. В-К II. № 34).
14/ХІ	Псков	В>Ш		В-К II. № 26. Автор упоминает, что писал к Ш 4/ХІ о переправке почты для Г и получении от Г нового пакета с почтой для Ш, отправленного в Москву. Возможно, в этом или в следующем пакете были дополнительные письма Ф, все мы не можем здесь перечислить.
17/ХІ?	Псков	В>Ш	28/ХІ (М)	В-К II. № 27. Сообщает Ш, что пакет с письмами на его имя, отправленный Г, прибыл в Псков 17/ХІ и был немедленно переправлен в М.
20/ХІ	Рига	Ф>Ш	3/ХІІ (П); 11/ХІІ (М)	В-К II. № 23; Пр. № 9.
25/ХІ (3)	Рига	Ф>Ш	?/ХІІ	В-К II. № 28. Предположительно с пакетом были посланы некоторые покупки, заказанные Ш: «С конюшенным маршалком з г(о)с(по)д(и)ном Ебертом Данлибом (...) послал». (См. также ссылку в след. письме, датированном 28/ХІ.)

28/XI	Рига	Ф>Ш	?/XII	Это отдельный перевод этого письма, но он был опубликован с письмами от 25/II как В-К II. № 28. (Упомянуется как самое последнее письмо Ф к Ш в Ф>Ш, В-К II. № 30).
11/XII	Рига	Ф>Ш	?/XII	В-К II. № 30. Ссылается на предыдущее письмо от 28/XI.
11/XII	Рига	Ф>Ш	?/XII	В-К II. № 30. Подтверждает получение 8/XII письма от Ш, написанного 6/XI.
17/XII	Рига	Ф>В		В-К II. № 33.
26/XII	Рига	Ф>В		В-К II. № 33.
2(26?)/XII	Рига	Ф>Ш	?/I/1644	В-К II. № 31.
1644 [16/I]	Юрьев Ливонский	Г>Ш	29/I (М)	В-К II. № 42; Пр. № 12.
1644 16/I	Юрьев Ливонский	Г>В	29/I (М)	В-К II. № 46; Пр. № 13. Сразу после этого в оригинальном свитке стоят № 48, 42.
16/I	Юрьев Ливонский	Ф>Ш	29/I (М)	В-К II. № 48; Пр. № 14. Отправлено в запечатанном виде в письмо В; внизу содержится записка, что оно было отправлено «наспех денно и ночью, с подлинным особным гонцом».
18/I	Юрьев Ливонский	Ф>Ш	29/I (М)	В-К II. № 48; Пр. № 14.
[16/I]	Юрьев Ливонский	Г>Ш	29/I (М)	В-К II. № 42; Пр. № 12.
30/I	Юрьев Ливонский	Ф>Ш	9/III? (М)	В-К II. № 44.
30/I	Юрьев Ливонский	Ф>В		В-К II. № 52. Разумно предположить, что все письма от 30/I до 5/II были переправлены в Москву в одном пакете, который, несомненно, был получен там до прибытия следующего пакета 9/III. Возможно, все они были в одном пакете, полученном в Пскове через Блоха 10/II, и в этом случае (если он отдал их без промедления, они могли быть сразу отправлены в Москву и могли прибыть туда самое позднее ок. 20/II.
3/II	Юрьев Ливонский	Ф>Ш		В-К II. № 51. В оригинальном свитке вписан между письмами Ф>В от от 30/I и 3/II.
3/II	Юрьев Ливонский	Ф/В		В-К II. № 52.
5/II	Юрьев Ливонский	Ф>Ш		В-К II. № 45.

5/II	Юрьев Ливонский	Ф>В		В-К II. № 52. В оригинальном свитке после переводов писем Ф>В от 30/I и 3/II вписан текст, содержание которого не указано в В-К II. Потом идет перевод письма Ф>В от 5/II. В издании все три письма Ф>В опубликованы под № 52.
*ок.5/II?	Юрьев Ливонский	Г>А. ван ден Блок	10/II (II)	Упоминается в отчете воеводы [28] 29/II, отправленном в Москву через сотника Федора Гаврилова, полученном там 9/III и прочитанном царю (см. В-К II. № 57). Отчет воеводы состоит из двух частей, полученных в Москве 9/III; в оригинальном архивном свитке часть с аннотациями предшествует переводу Ф>Ш, датированному 25/II из Юрьева, так что это должно было быть вложением, которое воевода выслал вместе с информацией о предложении Г встретиться с В.
*II?		Ш>Ф		Упоминается в В-К II. № 75 как отправленное Ф в Псков.
*21/II	Юрьев Ливонский	Ф>Ш	9/III (M)	Упоминается в Ф>Ш, В-К II. № 59; Пр. № 16.
25/II	Юрьев Ливонский	Ф>Ш	28/II (II) 9/III (M)	В-К II. № 59; Пр. № 16. Отправлено в Псков Альберту ван ден Блоку, который отдал его В, а тот передал его воеводе для переправки в Москву с сотником Федором Гавриловым [28]29/II (см. В-К II. № 57).
12(?) / III	Рига	Ф>Ш		В-К II. № 64. В конце письма, возможно, указана дата 2.III, хотя это может быть результатом повреждений. В начале указана дата 12.III.
24/III	Гданьск	Ф>Ш	14/IV (M)	В-К II. № 69.
	[Гданьск]	[Ф>Ш]	[14/IV (M)]	В-К II. № 70. Содержание дает понять, что это письмо написано от Ф к Ш; оно следует непосредственно после В-К II. № 69 в оригинальном свитке.
	[Гданьск]	[Ф>Ш]	[14/IV (M)]	В-К II. № 63. В заголовке указано, что это новости, посланные Ф, предположительно приложенные к В-К II. № 69 или № 70; они следуют непосредственно за последним письмом в оригинальном свитке.
*		В>Ф или Г		Указано без упоминания даты в В-К II. № 74
[апрель?]	Гданьск?	Ф>Ш	5/V (M)	В-К II. № 74. На заголовке, возможно, указана дата получения, а не отправления. Ср. с заголовком № 75, который включает несколько датированных писем. Письмо № 80 предшествует № 74, за ним следует № 78. № 80 — это отчет из Новгорода о проведенном там допросе купцов, вернувшихся из Ливонии. Купцы вернулись 18 мая, допрос был проведен 27 мая, поэтому отчет о нем прибыл в Москву в начале июня.

10/IV (2)	Гданьск	Ф>Ш	5/V? (М)	В-К II. № 74. Вероятно, второе письмо было частью этой папки. Возможно, л. 478 является новостной рассылкой, приложенной к первому письму, а второе начинается с приветствия вверху л. 479. Пересылку письма, написанного в Гданьске 10/IV и доставленного в Москву к 5/V, можно назвать быстрой, но возможной.
16/IV	Гданьск	Ф>Ш	26/VI (М)	В-К II. № 75. Переводчики пронумеровали письма, датированные с 16.IV по 26.V, от 1 до 6, и, судя по заголовку, перевели их одновременно 26.VI. См. на с. 171 дополнительное пояснение, почему все они, вероятно, прибыли в одном пакете. За исключением одного, каждое письмо имеет номер на заголовке и скопировано на отдельном листе. Единственным исключением является письмо с нумерованным заголовком, расположенным внизу предыдущей страницы. То есть, возможно, не все письма были переведены одновременно, а впоследствии просто собраны все вместе и скопированы начисто с последовательной нумерацией. Ни одно из новостных приложений, на которые он ссылается, не включено в данную нумерацию. В оригинальной архивной ед. хр. им предшествуют № 74, 78.
20/IV	Гданьск	Ф>Ш	26/VI (М)	В-К II. № 75. В отличие от письма с номером 1, имеющего выходные данные «из ведомого места», это, должно быть, означает Гданьск, а не Юрьев, поскольку находится между письмами из Гданьска, датированными 16 и 21/IV.
21/IV	Гданьск	Ф>Ш	26/VI (М)	В-К II. № 75. Относится к получению письма от Ш, написанного в феврале и отправленного в Псков. Но после этого он не получил ничего от Ш. В письмо вложены текст договора между Швецией и Дьердьем Ракоци и письмо последнего венгерским магнатам.
26/IV	Гданьск	Ф>Ш	26/VI (М)	В-К II. № 75. В поврежденном начале письма, возможно, упоминается, что вместо того, чтобы посылать еженедельные новости Ш, ему пришлось экономить и посылать пакеты с новостями, написанными за несколько недель. (См. особенно л. 504—505).
10/V	Гданьск	Ф>Ш	26/VI (М)	В-К II. № 75. Ссылается на вложение с последними новостями.
26/V	Гданьск	Ф>Ш	26/VI (М)	В-К II. № 75. Ссылается на вложение с отчетами о причинах шведско-датской войны и письмами каждой из сторон о возможной встрече для переговоров о мире.

[после 19/V]	Гданьск	Ф>Ш	?/VI (М)	В-К П. № 78. Заголовок указывает, что письмо передано из Новгорода; последние внутренние новости из Гданьска датированы 19/V, что указывает на <i>terminus post quem</i> написания письма. Это письмо в оригинальном свитке находится между № 74 и № 75. Возможно, л. 497—498 являются серединой или концом личного письма и приведены в неправильном месте.
--------------	---------	-----	----------	--

Здесь мы можем привести ряд предварительных наблюдений, прежде чем содержание писем будет тщательно изучено. Исходя из того, что места, указанные в конце писем рядом с подписями, верны, автор писем от лица Филимонатуса находился в Риге между концом сентября и концом декабря 1643 г. Незадолго до конца января он переехал в Юрьев Ливонский (Дерпт / Тарту), расположенный в 150 км от Пскова, на дороге, ведущей к Пскову мимо Печорского монастыря, и оставался там по крайней мере до 25 февраля.²¹ К 12 (2?) марта он вернулся в Ригу и к концу марта — в Гданьск, где и оставался до окончания данной переписки в июне.²²

Второй момент, который следует подчеркнуть, касается частоты общения. Впечатляет то, насколько часто писал Филимонатус, многие письма которого просто сопровождали вложенные новостные материалы, но многие содержали новости, изложенные в конце, после его подписи. Тем не менее, как бы часто ни посылались его письма, очевидно, ему приходилось ждать, когда возникала возможность послать их в Москву по надежным каналам. Это означало, что пакеты писем приходили и переводились в Москве с непредсказуемыми интервалами. Частота и скорость доставки новостей от него впечатляет намного меньше, чем частота и скорость, с которыми эти новости составлялись. Следовательно, даже если мы предположим, что целью того, кто отвечал за организацию всего процесса, являлось обеспечить кого-то в Москве регулярными новостями, трудность пересылки сделала эту цель труднодостижимой. Письмо, написанное в Риге, отправлялось в Псков, куда могло идти от одной недели до почти месяца, после чего требовалась еще неделя для доставки его в Москву.

Неоднократно Филимонатус указывал на то, что он не получил от Шлакова никакого ответа, подтверждающего, что письма, посланные из Риги, благополучно дошли до Москвы. Нет оснований полагать, что Шлаков регулярно отвечал на письма. Легко понять, почему Филимонатус считал,

²¹ В некоторых письмах из Юрьева Ливонского названо имя города, в других он таинственно упоминается как «ведомое место», которое, по имеющимся свидетельствам, должно быть Юрьевом, а не Ригой или каким-либо другим городом. Как отмечается, есть одно исключение — возможно, из-за ошибки переписчика. Некоторые даты в документах либо неясны, либо вовсе отсутствуют, и возможна некоторая путаница из-за того, что не всегда ясно, относится ли дата на заголовке письма к моменту его написания или к моменту, когда оно было получено в Москве и переведено. Мы считаем, что вышеизложенная информация дает нам наиболее точную картину, основанную не только на письмах Филимонатуса, но также и на других письмах, написанных переводчику Вейгеру, и на отправленных в Москву отчетах его начальников в Пскове.

²² Конечно, есть вероятность того, что Грелле / Филимонатус посылал дополнительные письма после июня 1644 г., которые не сохранились в архивах, хотя похоже, что московские чиновники очень старались тщательно следить за этой перепиской.

что необходимо наладить связь между Ригой и Москвой и наконец решил отказаться от отправки новостей из Гданьска. 25 ноября он предложил Шлакову еженедельно посылать в Ригу курьера, который забирал бы его письма.²³ В действительности для обеспечения еженедельных доставок писем в обоих направлениях нужны были два курьера. Несомненно, это предложение не было реализовано, хотя и имело значение как предвестник идеи, положившей основу создания московской международной почты через пару десятков лет.

Аргументы относительно личности Филимонатуса

Мы неоднократно находим в документах подтверждения участия «секретаря» Лаврентия Грелле в отправке писем Филимонатуса.²⁴ Грелле напрямую общался с псковским переводчиком Матвеем Вейгером. Его письма Вейгеру содержат ключ к разгадке подлинной личности Юстуса Филимонатуса.

Поскольку письма Филимонатуса пересылались через Грелле, неудивительно, что оба они находились в Риге. Однако уже трудно считать совпадением то, что в дальнейшем они оба оказываются в Юрьеве в одно и то же время и даже в один и тот же день пишут оттуда своим связным в России.²⁵ Письма Грелле Вейгеру, а Филимонатуса Шлакову от 16 января содержат одни и те же новости. Возможно, у этого есть другое объяснение, но напрашивается очевидный вывод: автором является один и тот же человек. Оба они, действительно, сообщили своим адресатам, что собираются приехать в Псков 10 или 12 марта, чтобы организовать встречу между Грелле, Вейгером и Альбертом ван дер Блохом (агентом Петра Марселуса, базировавшимся в Пскове) прямо на российской границе 14 марта, но позднее этот план, очевидно, изменился.²⁶ Похоже, что эта встреча, единственной целью которой, возможно, было подтолкнуть русских нанять Грелле в качестве вестовщика, так и не состоялась (см. обсуждение ниже).

В итоге наш вестовщик Филимонатус был не кто иной, как Грелле, высокопоставленный шведский чиновник, в чьи должностные обязанности входил сбор новостей и информации для шведских властей. На ранних ступенях карьеры он подчеркивал свое умение собирать информацию. Поскольку в июне 1643 г., после смерти его работодателя генерал-губернатора Бенгта Оксеншерна, шансы Грелле сохранить свою должность стали неопределен-

²³ В-К II. № 28. С. 72—73.

²⁴ В-К II. № 26, 27. С. 70—71 (письма от Вейгера Шлакову); № 41. С. 93 (письмо Шлакову, очевидно, от Филимонатуса); № 66. С. 140 (донесение псковского воеводы Черкасского в Москву от 5 марта). Отмечая тесную связь этих писем, Шибли предположил, что Грелле мог быть секретарем Филимонатуса, что объясняет, почему они всегда писали из одних и тех же городов. *Schibli R. Die ältesten russischen Zeitungübersetzungen (Vesti-Kuranty), 1600—1650. S. 59.*

²⁵ В-К II. № 46, 48. С. 104—106.

²⁶ Запланированная поездка упоминается в письмах Филимонатуса В-К II. № 44 (С. 97), 51 (С. 109), 45 (С. 101), 59 (С. 126) (написанных Шлакову в Юрьеве 30 января, 3, 5 и 25 февраля); № 52 (С. 113) (написанных Вейгеру из Юрьева 30 января, 3 и 5 февраля). Донесения воеводы об информации, которую получил Вейгер, были отправлены в Москву 10 февраля и 5 марта (В-К II. № 57. С. 124; № 66. С. 140). В пакете писем от Грелле, отправленном 3 февраля и полученном в Пскове 10 февраля, также были письма от Петра Марселуса. В аннотации, сделанной в Москве к донесению воеводы от 10 февраля, говорится: «Г(о)с(у)д(а)рю чтена кн(я)зя Льва Шлаковского писмо перевестъ а которые писаны к Петру Марселус и те отослат(ь) тотч(а)с к нему».

ными, его попытки сближения со Шлаковым могли быть искренними усилиями перейти на службу и финансирование к Москве.

Практически в каждом письме он повторяет, что заинтересован, чтобы о его услугах было сообщено царю, в надежде, что тогда он получит соответствующую финансовую компенсацию. В какой-то момент он напрямую спрашивает, будет ли получать годовое жалованье и официально называться «резидентом» или «комисарисом». ²⁷ В письме Матвею Вейгеру он спрашивал, интересуют ли псковского воеводу новости из немецких газет, передаваемые Грелле, некоторые из которых предназначались Вейгеру и не были запечатаны для пересылки Шлакову в Москву. ²⁸ В одном из писем он недвусмысленно говорит, что хочет исполнять секретные миссии. ²⁹

Грелле был одержим секретностью, свидетельством чего является его использование псевдонима, что ставит вопрос, насколько его действия были позволительны для официального чиновника, находящегося на шведской службе. По большей части, даже если некоторые из его донесений были получены от шведской разведки и конфиденциальных переговоров, новости, которые он посылал, едва ли могли бы нанести ущерб шведской безопасности. ³⁰ Однако вполне возможно, что Грелле думал о том, что его действия могут поставить под угрозу его карьеру. В частности, шведская администрация могла с подозрением отнестись к «датским связям» Грелле. По возможности, когда нужно было отправлять свои донесения, Грелле использовал людей, напрямую работавших на Вальдемара и / или тех, кто был связан с Петером Марселисом. ³¹ Грелле предпринимал большие усилия, чтобы письма доставлялись надежными людьми, даже если для этого требовалась значительная задержка в отправлении. Его общение с Россией совпало с периодом роста напряженности между Данией и Швецией, что привело к открытым столкновениям и ужесточению пограничного контроля. ³² Примерно в конце 1643 г. или в начале 1644 г. шведские чиновники в Риге запретили пересылку писем с шведской территории в Россию. В подобных условиях Грелле имел веские причины скрывать свое настоящее имя и использовать

---

²⁷ В-К II. № 25. С. 69.

²⁸ В-К II. № 33. С. 83.

²⁹ В-К II. № 42. С. 94.

³⁰ В письмо от 30 января 1644 г. из Юрьева (В-К II. № 44. С. 98—99) Филимонатус включил информационный бюллетень, в котором были подробно перечислены шведские полки на территории Дании и Голштинии. Такая военная информация иногда публиковалась в газетах, хотя в данном случае непосредственным источником информации могли быть конфиденциальные документы, к которым Грелле имел доступ.

³¹ Он неоднократно жаловался на трудности в поиске курьеров, отчасти потому, что большинство из тех, кого можно было бы нанять, уже были наняты датчанами в связи с огромным посольством Вальдемара, направлявшимся в Москву для брачных переговоров. См.: В-К II. № 33 (С. 84), 59 (С. 126).

³² Рижский купец Виллем Беккер писал агенту Петра Марселиса Альберту ван ден Блоху в Псков 17 января 1644 г. о том, что письма в Москву задерживались. Ван ден Блох переправил это письмо Марселису в Псков 30 января, а Марселис, в свою очередь, сообщил эту информацию 9 февраля в Посольский приказ письмом, в котором также содержались новости о текущем наращивании военной мощи в Ливонии. Письмо Беккера содержится в В-К II. № 49. С. 107; Марселиса — в В-К II. № 60 С. 127. Возможно, Марселис получил эти письма через Вильну по маршруту, проложенному датским посольством Вальдемара, целью которого было избежать обмена информацией через территории, занятые Швецией.

псевдоним Юстус Филимонатус.³³ Насколько можно судить, русские его так и не взяли на службу. По-видимому, его настоящим «работодателем» в России был Шлаков, а Шлаков, возможно, никогда и не собирался оплачивать то, что, по его мнению, мог иметь бесплатно. Как бы то ни было, он использовал Филимонатуса для различных комиссий, чтобы получать из Риги то, что ему было нужно, но, кажется, вовсе не собирался за это платить.³⁴

Посылая новости в запечатанных пакетах, адресованных Шлакову, Грелле, видимо, надеялся, что его донесения с новостями дойдут до места назначения в нераспечатанном виде. Был ли он настолько наивен, предполагая это? И какая разница, действительно ли он надеялся, что его новости будут переданы царю и его чиновникам?

Как только его письма приходили в Москву, их немедленно вскрывали и переводили в Посольском приказе.³⁵ Иными словами, нет никаких свидетельств того, что они сначала попадали к Шлакову, который затем передавал их так, как Крузебьерн или Марселис иногда передавали полученные ими донесения с новостями.³⁶ Почту Шлакова вскрывали до того, как он ее получал, независимо от того, давал он на это разрешение или нет. Такая перлюстрация была не редкостью для писем иностранцев, живущих в Москве.³⁷ Несмотря на то что Шлаков был в числе царских фаворитов, вполне вероятно, что даже до того, как он был разоблачен как самозванец, его корреспонденция проверялась на предмет угрозы государственной безопасности России.

В одном из своих ранних писем Грелле / Филимонатус недвусмысленно указал, как важно, чтобы Крузебьерн, швед, живущий в Москве, не узнал об этой переписке. Было ли это серьезной озабоченностью человека, заинтересованного в том, чтобы скрыть от шведских властей, чем он занимался? Или

³³ Объяснение, почему Грелле выбрал этот псевдоним, можно найти в изд.: *Шамин С. М.* Иностранная пресса и русская культура конца XV — начала XVIII столетия. С. 91.

³⁴ Шлаков делал такие заказы, как набор пистолетов со своими инициалами, часы, лекарства или поиск специалистов, например учителя верховой езды, горниста, театральных артистов, инженера или строителя фортификационных укреплений («градодельца»). Для кого точно требовались артисты — для царского ли двора или для него самого, чтобы развлекать гостей по последней моде, — не уточнялось. В любом случае при отсутствии средств для оплаты авансов и транспортных расходов желающих приехать не находилось. Инженер, найденный Грелле, был не против поехать в Россию при условии, что он получит гарантированную зарплату и аванс на покрытие расходов. См. его письмо Шлакову: В-К II. № 40. С. 92—93.

³⁵ См. аннотацию в В-К II. № 57. С. 124.

³⁶ Переводчики Посольского приказа достаточно точно сообщали, откуда они получали новости для курантов. Хотя этот вопрос следует глубже изучить на основе полного спектра документов, предварительный обзор дает нам основание полагать, что в заголовках писем, которые были вскрыты по прибытии перед передачей адресату, просто указывали, от кого и кому написано письмо, иногда с указанием места и датой, которая могла быть датой либо написания письма, либо его получения. В заголовках писем и газет, которые были получены не через Приказ, а были потом туда переданы, было указано то же. В заголовках могла быть указана и та и другая информация: имена корреспондентов (и где находился автор письма) и кто передал письмо в Приказ. Конечно, по этим признакам мы не можем сказать, насколько такой способ распространения новостей был добровольным или ожидаемым. Как указано ниже, у некоторых переводов отсутствуют заголовки, но их авторство может быть установлено по близости к идентифицированной корреспонденции в исходных архивных свитках.

³⁷ См.: *Waugh D. C.* *Perlustration: the Opening of Foreigners' Mail in Muscovy // Foreigners in Muscovy (1500—1700) / Ed. by S. Dreher and W. Mueller.* London; New York, 2022. P. 133—151.

здесь есть намек на альтернативное объяснение? Может быть, вся загадка Филимонатуса была хорошо обдуманной попыткой получить конфиденциальную информацию от царского двора, особенно о вопросах, касающихся переговоров о браке, взамен предлагаемых регулярных новостных донесений? Другими словами, в ситуации, когда российские власти надеялись положить конец пребыванию одного шведского резидента в Москве, Грелле мог пытаться наладить альтернативную сеть сбора информации в пользу Швеции, ища дружбы с человеком, близким к московскому царскому двору. Сама идея искать счастья в Москве принадлежала Шлакову. Независимо от того, знали ли рижские власти (в частности Грелле), кем Шлаков был на самом деле, они могли быть заинтересованы в оказании ему помощи в продвижении в Россию, даже если он ехал туда с одобрения короля Дании.

Девятого ноября Филимонатус / Грелле предупредил Шлакова, что у него есть враги (включая людей, связанных с Марселисом) и что по Риге ходят слухи о том, что Шлаков впал в немилость царя из-за участия в пьяных потасовках.³⁸ Более того, уже было известно, что король Кристиан IV написал царю письмо, разоблачающее Шлакова как самозванца.³⁹ Поэтому Шлаков понимал, что ему стоит держаться подальше от датчан и свиты Вальдемара, когда они прибыли в Москву. Возможно, в начале октября Грелле узнал о жалобе на пьяную драку, поданной Крузебьерном в Посольский приказ. Даже если бы польза от Крузебьерна как поставщика информации из Москвы уже не была поставлена под угрозу, у шведской администрации в Риге было достаточно веских причин, чтобы хотеть искать дополнительный канал для сбора разведывательной информации в Москве и, возможно, через него даже влиять на российскую политику. Добиться этого можно было, предложив со своей стороны информацию для обмена, которую передавали бы под видом секретной информации агенту в Москве — Шлакову.

Цели, которые преследовал Грелле, когда планировал встретиться с Вейгером и ван ден Блохом под Печорами или приехать в Псков, не ясны. Грелле указал, что он везет царю важную информацию, но это могло быть не более чем стандартным способом получения разрешения на въезд в Россию, подобно тому как Шлаков получил в Пскове разрешение на дальнейший проезд.⁴⁰

³⁸ В-К II. № 25. С. 120—121.

³⁹ С. М. Шамин предположил, что письмо короля Кристиана IV, в котором он изобличает самозванца, вполне могло быть ответом на предательство датских интересов, когда российские власти были предупреждены о планах Вальдемара сбежать из-под домашнего ареста в Москве. Однако Филимонатус предупреждал Шлакова о том, что король написал такое письмо, раньше прибытия Вальдемара в Москву: королевское письмо с разоблачением Шлакова, судя по дате, было получено в Москве уже после возвращения Вальдемара в Данию (см.: Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура конца XV — начала XVIII столетия. С. 90).

⁴⁰ Российским пограничным властям были даны четкие инструкции не допускать въезд нежелательных лиц, если они искали возможность поступить на русскую службу. Хотя часть этих мер, несомненно, была вызвана тем, что после Смоленской войны в России было уже достаточно иностранных наемников, ясно, что они также были продиктованы соображениями безопасности. Седьмого сентября 1642 г., незадолго до того, как Шлаков появится на границе, псковский комендант получил директиву не принимать польских и литовских эмигрантов, кроме дворян; последних необходимо было держать под стражей, пока из Москвы не приходило разрешение на въезд. См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук, 1615—1645. СПб., 1856. Т. 3. № 315. С. 463.

В действительности Грелле ничего не делал для того, чтобы сохранить свои планы в тайне от местных российских чиновников. Надо думать, что переезд Грелле в Юрьев был преднамеренным шагом подготовки к поездке в Россию, хотя, возможно, он просто пытался обойти шведскую блокаду почты и посылать в Россию письма.⁴¹ Трудно представить, как бы он мог сохранить за собой свое место в Риге, если бы самостоятельно решил просто переехать в Юрьев. Хотя не исключено, что эта встреча могла иметь целью создание агентурной сети в России, в переписке Филимонатуса речь ни разу не шла о получении взамен разведывательной информации, он только просил о финансовой компенсации. В одном из своих писем Шлакову Филимонатус уже не в первый раз подчеркивает, что ему нужно заплатить за некоторые услуги, которые он оказывал.⁴² Это письмо, немного поврежденное, может быть прочитано как свидетельство того, что он действительно ездил в Псков, понеся серьезные расходы, чтобы туда добраться, но не был пропущен русскими, потому что Шлаков не ответил на его предыдущие просьбы добыть от царя официальный документ, свидетельствующий, что Грелле / Филимонатус взят на службу в качестве вестовщика или приказчика для русских в Риге.⁴³

В любом случае Грелле ошибся в людях, с которыми был в контакте. Шлаков явно ничего для него не сделал. Вейгер, хотя и был честным в делах, разрывался между обязанностью пересылать чужую почту и в то же время обеспечивать, чтобы его начальство было хорошо информировано о том, что делают иностранцы. Несомненно, он либо знал, либо подозревал правду о Грелле и Филимонатусе и по долгу службы переписывался со Шлаковым. По крайней мере, есть одно письмо, содержание которого трудно понять, поскольку оно повреждено и написано человеком, личность которого не установлена, но которое указывает на то, что ему совсем не нравилось иметь дело с Грелле и Шлаковым.⁴⁴ В начале февраля, когда ему впервые сообщили о плане Грелле (в письме, доставленном через датского агента Альберта ван ден Блоха), Вейгер написал об этом псковскому коменданту, который быстро отправил донесение в Москву и приказал усилить охрану границы. Последовавшие сообщения о запланированной встрече были также оперативно пере-

⁴¹ Он действительно просил Вейгера хранить любые адресованные ему письма, с тем чтобы забрать их по возвращении в Псков (см.: В-К II. № 52. С. 113). Это может означать, что он беспокоился, что в противном случае они могли быть перехвачены; в любом случае он мог быть уверен, что получит их с относительно небольшой задержкой.

⁴² См. письмо, посланное из Данцига 10 апреля: В-К II. № 74. С. 168. Филимонатус / Грелле подчеркивает, сколько ему пришлось заплатить из собственного кармана за то, чтобы нанять лошадь, хотя само по себе это еще не значит, что он действительно пересекал границу, даже если он ездил до нее из Юрьева.

⁴³ С. М. Шамин считает это свидетельством того, что Грелле фактически доехал до Пскова (см.: Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура конца XV — начала XVIII столетия. С. 93).

⁴⁴ В-К II. № 67. С. 142. Как считает А. Г. Бобров, кажется вероятным, что это письмо адресовано Петеру Марселису. Автор письма постоянно упоминает Альберта, который, должно быть, был агентом Марселиса, а также Вейгера. Подпись в письме неразборчива «Якуб Ф...кер», и попытки найти человека с таким именем пока не привели к успеху. См.: Бобров А. Г. Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Демидка Воинов. С. 468.

даны, информация была прочитана царю, и получен приказ перевести все письма.⁴⁵

Вероятно, за несколько дней до того, как Вейгер сообщил о получении письма Грелле о планируемой встрече, российский военный губернатор в Пскове Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский написал в Москву ответ на приказ усилить охрану границы.⁴⁶ Первого марта Черкасский получил от военного губернатора в Новгороде копию царского приказа о принятии мер по усилению безопасности и сбору разведывательной информации, поскольку правительство узнало об активных военных приготовлениях в шведской Ливонии. Черкасский подтвердил, что 29 февраля Вейгер предоставил ему краткое донесение, полученное от Альбрехта ван ден Блоха (агента Марселиса) и от других иностранцев в Пскове, о военных приготовлениях в Риге, Юрьеве и других городах Ливонии. Глава таможенной службы в Пскове также сообщил, что слышал как от иностранных, так и от русских купцов об аналогичных приготовлениях в Нарве и Ивангороде в связи с началом войны между Данией и Швецией и опасениями Швеции в связи с переговорами России с Вальдемаром.

Пятого марта Вейгер сообщил о том, что получил новости от Грелле о значительной военной победе Дании над шведами и об изменившихся планах Грелле встретиться с Вейгером и ван ден Блохом 14 марта в приграничной деревне недалеко от Печорского монастыря. Черкасский быстро запечатал это донесение и отправил в Москву. Некоторое время спустя или вскоре после 13 марта Черкасский послал еще одно донесение (которое прибыло в Москву 22 марта), в котором сообщал подробности о шагах, предпринятых для обеспечения безопасности границ и сбора разведывательной информации. Этот список многое говорит о том, как можно было быстро организовать подобные операции и какую информацию можно было собрать. В несколько укрепленных пунктов на границе, включая Печорский монастырь, были отправлены сообщения, предписывающие быть в состоянии повышенной готовности и собирать сведения о военных действиях в Ливонии. Несомненно, беспокойство было вызвано тем, что они могли быть направлены против России. Хотя у нас нет прямых доказательств, вполне можно предположить, что при подобных мерах Грелле едва ли мог попасть на встречу 14 марта и Вейгер, вероятно, из-за этого тоже не пытался это сделать. В любом случае, хотя мы знаем, что Грелле был в Юрьеве до 25 февраля, к 12 марта он уже вернулся в Ригу. Кажется, он узнал, что не сможет

⁴⁵ См. обозначения («г(о)с(у)д(а)рю чтено»): В-К II. № 64. С. 138; № 66. С. 140.

⁴⁶ В-К II. № 66. С. 139—142. Скорее всего, назначение Василия Петровича Ахамашукова-Черкасского воеводой во Псков в 1642 г. является отражением повышенной заботы правительства о безопасности границы и ожидания возможного прибытия Вальдемара и датского посольства. Черкасский раньше участвовал в дипломатических переговорах и администрации пограничных районов, включая Вязьму и Псков. К началу 1640-х гг. он стал высокопоставленным чиновником при дворе и, кажется, был доверенным советником царя. (См.: Исторические портреты патриотов Отечества: [Кол. монография] / Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности; под общ. ред. И. В. Бочарникова. М., 2016. Т. 1. С. 54—56). Накануне прибытия миссии Вальдемара, в конце 1643 г., Черкасский получил инструкции организовать торжественный прием датчан в Пскове. См.: Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные Вторым отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 714, 717.

получить официальное приглашение, и во всяком случае слышал о мерах по усилению безопасности вдоль границы.

*Сбор зарубежных новостей и разведывательной информации
в Пскове и Новгороде*

Какие бы ни были у русских сомнения по поводу найма Грелле на службу, они, по-видимому, были довольны другими вариантами получения разведывательной информации. Черкасский получал донесения от агентов, которые были срочно посланы в Гдов, Юрьев, Таллин (Колывань) и Нарву. Ходили слухи, что король Польши собирается выступить на Ригу из Вильно. В донесениях из Юрьева, доставленных Черкасскому 11 марта, есть подробности о численности собранных там войск; в другом донесении, полученном 13 марта из Риги, подтверждались слухи о возможном нападении Польши. В Нарве новости о сражениях датчан со шведами передавали шотландец по имени Хендрик и немец Йохан из Любека. Ходили, вероятно, фантастические слухи о прусском принце, направляющемся в Швецию с намерением жениться на королеве Кристине. В основном сеть для сбора основной части этой информации состояла из купцов, которые вели торговлю между Псковом и ливонскими городами; в одном случае агентом был крестьянин. Неизвестно, насколько достоверной была эта информация, хотя предположительно очевидцы могли наблюдать за местными военными приготовлениями, а в распространяемых новостных памфлетах и газетах могли правдиво описывать сражения.

Российские власти в Новгороде также сообщали о своей реакции на приказ Москвы собирать разведывательную информацию,⁴⁷ передавая ее из Нарвы и Ивангорода, который находился на другом берегу реки Нарвы; говорилось, что там не наблюдалось необычного скопления войск, но были приняты меры предосторожности для усиления защиты. В Ивангороде шведские власти согноли русское православное население, сняли облачения с их священника и заставили русских присягнуть на верность королеве Кристине. Русские, однако, дали понять, что не будут поддерживать нападение на царя. В Таллине значительные силы были приведены в состояние готовности.

Помимо отправки через границу купцов или других лиц для сбора разведывательных данных, пограничные коменданты регулярно допрашивали прибывающих из шведской Ливонии торговцев. Интересным примером может послужить допрос двух новгородских купцов, вернувшихся домой 18 мая из Таллина в Ивангород.⁴⁸ Без сомнения, они провели там достаточно долгое время, особенно в Таллине, чтобы наслушаться разговоров местных жителей о международной ситуации. Недалеко от порта появился датский флот, якобы разведывая места для высадки войск. Местные немцы насмеялись над шведами, провоцируя последних на агрессию, потому что шведская королева-мать Мария Элеонора (вдова Густава Адольфа) бежала из Швеции и укрылась по пути в Бранденбург в Дании (событие давнее, произошедшее

⁴⁷ В-К II. № 68. С. 144—146.

⁴⁸ В-К II. № 80. С. 184—185.

еще в 1640 г.). Были толки о шведском мире с Священной Римской империей германской нации и Данией, который мог бы позволить шведам перегруппироваться и выступить против России. Из-за стремления запастись продовольствием на случай осады цены на зерно пошли вверх и некоторые из местных просили русских взять их на работу. Протокол этого допроса был отправлен в Москву днем позже, 19 мая, а 27 мая, видимо, был доставлен прямо в Кремлевский (Большой) дворец.

Из всего этого становится ясно одно: русское правительство реагировало на зарубежные новости и выделяло важную информацию, распространяющуюся среди чиновников, исходя из которой они должны были действовать. Однако невозможно установить прямую связь между мерами, принятыми русскими военными комендантами, и донесениями Филимонатуса до начала марта, поскольку новости в его донесениях были не единственным источником информации о начале военных действий между Швецией и Данией, заставившие шведские власти в Ливонии усилить военные приготовления.

В последнем уцелевшем пакете с новостями от Филимонатуса, прибывшем в Москву 26 июня 1644 г., была большая подборка новостей и шесть его писем, написанных в Гданьске с 16 апреля по 26 мая.⁴⁹ После этого Филимонатус исчезает из российских источников. А. Г. Бобров связывает это с тем, что Петер Марселлис и его соратники вытеснили Шлакова и сами сделали основными поставщиками зарубежных новостей в Москве.⁵⁰

Безусловно, есть свидетельства, что их значение возросло, после того как переписка Грелле / Филимонатуса прервалась, — и даже раньше. В интересах датчан и Марселлиса вполне могло быть ее пресечение, но нет веских доказательств того, что они преследовали цель заменить Грелле / Филимонатуса в качестве основных поставщиков новостей для русской стороны. Есть и другие вероятные (и, возможно, связанные с этим) причины прекращения этой переписки. Возможно, назначение Шлакова на службу в провинциальный гарнизон, что могло быть свидетельством того, что он впал в немилость при дворе, послужило причиной окончания переписки. Не имея возможности встретиться с Вейгером и понимая, что Шлаков, вероятно, никогда не выхлопочет его назначения царским вестовщиком, Грелле мог оставить надежду добиться официальной договоренности об условиях передачи новостей. Административные перемены в шведской Ливонии могли внезапно привести к его переназначению и приказу направиться в Гданьск, что было гораздо менее удобно для продолжения обмена новостями и, как он сам признавал, требовало затрат на ускоренную курьерскую службу, которые он не мог себе позволить.

---

⁴⁹ В-К II. № 75, 73. С. 170—172, 150—167. На связь между данной подборкой новостей (№ 73) и Филимонатусом указывает тот факт, что в оригинальном архивном свитке он следовал за шестью другими единицами, заголовки которых указывали на то, что они были получены от него, причем пять были письмами, адресованными Шлакову. Единственным делом в свитке, которое нарушает хронологическую последовательность, является копия донесения из Новгорода, полученного 27 мая. Дополнительные комментарии к новостям, которые он посылал, см. ниже.

⁵⁰ Бобров А. Г. Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Демидка Воинов. С. 468.

*Определение зарубежных новостей,
передаваемых Грелле / Филимонатусом*

Чтобы оценить весь спектр новостей, поставляемых Грелле / Филимонатусом, необходимо взглянуть не только на письма и новостные пакеты с его именем.⁵¹ На некоторых представленных им донесениях нет явных указаний на то, что они исходят от него. Редакторы В-К II опубликовали переводы таких донесений отдельно, а не в том порядке, как они были расположены в оригинальных архивных рукописях. Здесь нужно сделать небольшое отступление о методологических вопросах атрибуции.

Переводы переписки Филимонатуса были, очевидно, первоначально скопированы в два длинных архивных свитка (сейчас в РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1642—1644 гг., д. 2 (разделен на три части); РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1643 г., д. 6). Хотя отдельные листы, входящие в свитки, отклеены, есть веские основания полагать, что, за исключением иногда неправильно вложенного листа, документы находятся в том порядке, в котором они были склеены в свитках. Свитки содержат материалы, не имеющие отношения к Филимонатусу. Тем не менее в них имеются и группы документов, о которых можно сделать предположение, что они должны быть связаны с ним. Иногда он прямо ссылается на них в его переписке. Из его писем ясно видно, что он посылал вложения, которые, видимо, переводились в то же время, что и письма, и вкладывались рядом с ними. Очевидно, в архивном свитке документы расположены в хронологической последовательности, в том порядке, в котором каждый новый пакет с новостями был доставлен и переведен в Москве.

Исходя из таких соображений, можно восстановить следующие пакеты переведенных писем и приложений, адресованных Шлакову, большинство из которых было отправлено Филимонатусом⁵²:

- Доставлено в Москву 3 ноября. В-К II. № 41, 14, 15, 6, 7 (?), 9 (?), 17, 40, 20, 11.
- Доставлено 28 ноября. В-К II. № 8, 5, 16, 27, 25, 12, 26.
- Доставлено 11 декабря (вместе с донесениями псковских властей, присланными из Пскова 29 ноября, В-К II. № 34). В-К II. № 23; Пр. № 9; № 22 (?).
- Доставлено (дата неизв.) декабря. В-К II. № 28, 29.
- Доставлено (дата неизв.) января 1644. В-К II. № 31, 30 (?).
- Доставлено 29 января. В-К II. № 46, 48, 42.
- Доставлено 9 марта (вместе с донесениями псковских властей, присланными 29 февраля, В-К II. № 57). В-К II. № 33, 52, 51, 44, 45; Пр. № 16, Пр. № 15; № 59, 53.
- Доставлено 14 апреля. В-К II. № 69, 70, 63.
- Доставлено 6 мая. В-К II. № 74.
- Доставлено 26 июня: В-К II. № 78 (?), 75, 73 (?).

⁵¹ В анализе, приводимом ниже, мы будем указывать автора писем по тому имени, которое он использовал. Таким образом, на большинстве писем будет стоять имя Филимонатуса.

⁵² В приведенных здесь списках есть письма, отправленные Вейгером, в которых он просто сообщает Шлакову, что пересылает письма Филимонатуса, доставленные в одном пакете. В рассматриваемых архивных свитках сохранены только переводы, а не оригинальные письма или газеты, часть которых до сих пор хранится в другом месте архива (см. ниже).

Первое из этих посланий следует внимательно изучить, поскольку оно раскрывает многое о том типе информации, которую предлагал Филимонатус и которая также содержится в последующих посланиях. Похоже, что Филимонатус хотел произвести впечатление на своего потенциального работодателя с самого начала и поэтому приложил все усилия, чтобы прислать много материалов. Действительно, если наша атрибуция всех вложений верна, количество и содержание высланных новостей впечатляют. Ссылаясь на пересылаемые материалы, Вейгер сообщил Шлакову, что он получит «большую связку л[и]стов» и «коробо[чку] запечатану».⁵³

В первом из сохранившихся писем (из Риги от 30 сентября) Филимонатус ссылается на письмо, написанное десятью днями ранее, которое, возможно, никогда не было получено.⁵⁴ Письмо от 30 сентября содержит довольно большую подборку новостей о маневрах габсбургского генерала Крокова в Померании, контрастном шведов под командованием генерала Кенигсмарка и запланированной встрече Крокова с польским королем в Вильно. Филимонатус также отметил, что в Риге ходили слухи о возможном браке Вальдемара и Ирины и связанных с этим опасениях, что Москва может не присоединиться к мирному договору со Швецией. Далее Филимонатус сообщал об успехе в переговорах с инженером Хендриком Муклиманом о приезде в Москву в ответ на инициативу, исходившую, очевидно, от Шлакова. Договоренности, связанные с Муклиманом, упоминаются в нескольких последующих письмах. 15 октября Филимонатус сообщил, что он только что получил собственное письмо Муклимана, адресованное Шлакову, с подробным изложением его послужного списка.⁵⁵ Хотя незадолго до того Филимонатус отправил свои предыдущие письма и пакет с новостными вложениями, письмо от 15 октября и письмо Муклимана прибыли в Москву вместе с ними 3 ноября. Неизвестно, приезжал ли инженер в Москву на самом деле, поскольку его поездка зависела от того, выслал ли Шлаков заранее деньги на нее и договорился ли о переводчике и сопроводительных документах для поездки.⁵⁶ Переговоры о найме инженера, очевидно, требовали и некоторых ухищрений. Хотя Муклиман был рад получить рекомендации Филимонатуса, он прямо попросил Шлакова держать его письма в секрете, а потом сжечь их. Кажется, он опасался и не хотел привлекать внимание знавших его немцев в Москве.

В ряде случаев в сопроводительных письмах Филимонатуса четко указывается, какие вложения они содержат. Его письмо, написанное в Риге 10 октября, упоминает письма французского резидента при польском дворе, и действительно среди курантов есть переводы этих писем, хотя и без прямой ссылки на Филимонатуса.⁵⁷ Одно из писем представляет собой сборник

⁵³ В-К II. № 20. С. 57.

⁵⁴ В-К II. № 11. С. 40.

⁵⁵ В-К II. № 40. С. 92—93.

⁵⁶ 30 января Филимонатус написал Шлакову из Юрьева о том, что инженер (градоделец) был там и с нетерпением ожидал ответа Шлакова. (В-К II. № 44. С. 97—98). 25 февраля, будучи все еще в Юрьеве, Филимонатус опять упомянул, что инженер все еще не получил ответа (В-К II. № 59. С. 126). Этот вопрос еще раз ставился в письме Шлакову без указания даты, которое, вне всякого сомнения, было написано Филимонатусом. В-К II. № 70. С. 147.

⁵⁷ Письмо от 10 октября: В-К II. № 11. С. 43; письма из Польши: В-К II. № 14, 15 (С. 51—52), а № 16 (С. 52—54), возможно, было послано Шлакову в следующем пакете.

новостей французского резидента от 6 октября; второе — письмо, написанное ему 29 октября из Кракова Кристофером Опалинским, комендантом Познани, содержащее военные новости о Померании. Французским резидентом был Шарль де Бретань, барон д'Аваугур (d'Avaugour), который тоже был в командировках в Швеции и снова вернулся туда позднее. Его латинское письмо (написанное вымученной и витиеватой прозой) архиепископу Гнезненскому (самому влиятельному в сфере политики прелату в Польше) и сенаторам, которое Филимонатус направил в Москву, очевидно, было прежде всего призывом к полякам не поддерживать имперские силы, которые недавно вторглись в Померанию под командованием генерала Крокова, но затем были отброшены к Бреслау шведами под командованием генерала Кенигсмарка.⁵⁸ Военное положение в Померании также было основной темой сообщений барона д'Аваугура.

Двадцатого декабря 1643 г. или позднее (дата в рукописи повреждена) Филимонатус послал пакет с новостями, который прибыл в Москву в январе.⁵⁹ В сопроводительном письме даются ссылки на несколько вложений — письмо, печатные газеты и другие рукописные вести. Одно из таких вложений — это, несомненно, письмо, адресованное генерал-губернатору Риги. Оно было написано 1 декабря Питером Лефельди (Loofeldt), которого шведы назначили на место Крузебьерна в Москве, но который, как он объясняет в письме, поселился в Нарве для наблюдения за событиями в России, после того как русские прогнали его со службы.⁶⁰ Лефельди сообщает, что он знает о приготовлениях к приему Вальдемара в Польше и в России. Еще было несколько туманное сообщение о том, что русские посылают войска против калмыков где-то на Урале, недалеко от реки Яик. Хотя никаких объяснений не было дано, новости, посланные из Гамбурга 22 ноября, сообщали, что царь приказал шведскому резиденту в Москве покинуть страну. Особое внимание в российских новостях было уделено информации о том, что в Новгород из Москвы поступил строгий приказ о возвращении беглецов шведам. Поэтому Лефельди указал, что в тот момент было важно следить за этим и определить, даны ли такие же приказы Пскову и были ли они исполнены. Вопрос о беглецах вызывал беспокойство обеих сторон. Лефельди также включил некоторые новости, связанные с военными событиями на Западе и в Англии, вероятно также полученные из гамбургских источников. Если предположить, что отправителем письма в Москву действительно являлся Филимонатус, письмо Лефельди довольно убедительно доказывает, что он имел доступ к бумагам губернатора Риги.

Архивный документ, опубликованный под № 32, продолжается на новом листе (л. 283), вероятно, подготовленными Филимонатусом сводками новостей, в том числе репортажем из Гданьска от 8 декабря о внутреннем положении в Польше и новостях из Штеттина о шведских военных действиях и ожидании начала мирных переговоров. Самое последнее датированное сообщение в этой подборке новостей было из Гданьска от 15 декабря, в котором самый важный пункт касался возможности начала серьезных

⁵⁸ См. *Wilson P. H. The Thirty Years War: Europe's Tragedy.* Cambridge, 2009. P. 641.

⁵⁹ В-К II. № 31. С. 79—80.

⁶⁰ В-К II. № 32. С. 80—83. См. его сочинения о России в Riksarkivet, SE/RA/760004/68.

переговоров о мире и окончании войн с отправкой дипломатов в Мюнстер и Оснабрюк. Возможно, это было первым известием, полученным в Москве о начале переговоров, которые через несколько лет приведут к окончанию Тридцатилетней войны.

В более поздней доставке от 12 (2?) марта Филимонатус написал из Риги сопроводительную записку к приложенной печатной декларации королевы Кристины (датированной 16 января, Стокгольм), где обосновывалось решение объявить войну Дании.⁶¹ Хотя в заголовке к переводу декларации не упоминается Филимонатус, в оригинальном архивном свитке этот перевод следует сразу за переводом письма Филимонатуса и, таким образом, должен был быть сделан с оригинала декларации, которую он послал. Поскольку декларация не могла быть получена в Москве задолго до конца марта, в определенном смысле это уже была «не новость», поскольку новости, отправленные Филимонатусом раньше, некоторые из которых были получены 29 января, уже сообщали о начале военных действий.⁶²

Большую часть информации Филимонатус получал из газет («печатные новые вести из Любка и из Гданска»), которые он послал Шлакову вместе с письмом от 5 октября.⁶³ Примечательно, что и расширенные переводы газет, и некоторые оригиналы находятся в московских архивах.⁶⁴ Все

⁶¹ В-К II. № 64. С. 138. Как утверждает Ингрид Майер, существует множество опубликованных версий данного текста: по крайней мере четырнадцать на немецком, две на шведском, две на голландском и одна на латинском языках. Она пришла к выводу, что русский перевод (В-К II. № 96. С. 202—205), вероятно, сделан со шведской версии, напечатанной на одном листе, хотя нельзя исключить возможность того, что мог быть использован немецкий текст (см.: *Mai-er I. Verbalreaktion in den "Vesti-Kuranty"* (1600—1660): Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittlerrussischen Syntax. Uppsala, 1997. S. 67—72). Часть письма Филимонатуса с указанной датой повреждена, и редакторы предположили, что была указана дата 2 марта, но заголовок ясно указывает на 12 марта, что, должно быть, и является датой написания письма, а не его прибытия в Москву. В одном из своих последних писем, копия перевода которого была немного повреждена, написанном в Данциге 26 мая 1644 г., Филимонатус указывает, что он высылает «статю о причине о чем (...) воину свѣиские вечаи против да... тако ж писмо дацких думных людей и ответ против тог свѣиских думных людей о съезде на дацком и на свѣиском рубеже о той воинѣ добрыми делами и посредничествами меж ими мир учинит» (В-К II. № 75. С. 172). Что послужило источником, узнать трудно. Обратите внимание, однако, на многочисленные брошюры (некоторые из которых были солидными буклетами), опубликованные в связи с войной и добавляющие к развернутому объяснению ее причин серию документов, которыми обменялись правительства двух стран. См., например: *Manifest, Worinnen die Ursachen erkläret werden / welche Die Königl. Mayest. zu Schweden / [et]c. Bewegun und genöthiget haben / einen Krieg zu resolviren, und Ihr und ihrer Reiche / und Unterthanen underdrucktes Recht mit den Waffnen zu verthätigen / wider Ihres Vetteren und Nachbarn / König Christians deß Vierdten zu Dennemarck / [et]c. Feindliche und Gewaltsame Attentaten: Auß dem Schwedischen in das Teutsche transferiret. [S. l.], 1644 (VD17 14:006439T; копия в Дрездене: Sächsische Landesbibliothek / Staats- und Universitätsbibliothek, Hist.Germ.C.575,12). Мы еще не нашли брошюру, содержащую обмен письмами и конкретно касающуюся мирного конгресса на границе, которая могла бы быть опубликована незадолго до того, как Филимонатус написал свое письмо.*

⁶² В-К II. № 48. С. 106—107.

⁶³ В-К II. № 11. С. 42—43.

⁶⁴ Переводы в В-К II. № 6, 7 и 9. С. 21—32, 34—38. Шибли и Майер правильно указали все, кроме одной из перечисленных газет, в качестве источников; исключением была «Wochentliche Zeitung» (1643. № 37), копия которой также имеется в Москве и которая, несомненно, была источником трех сообщений в В-К II. № 6. С. 22. См.: *Schibli R. Die ältesten russischen Zeitungsübersetzungen (Vesti-Kuranty), 1600—1650. S. 91—92, 96—99; Maier I. Verbalreaktion in den "Vesti-Kuranty" (1600—1660). Teil 2: Die präpositionale Reaktion. Uppsala, 2006. S. 456. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia; [T.] 45). Мы приписываем этот материал Филимонатусу*

переводы, по-видимому, были сделаны с оригиналов немецких газет, предоставленных Филимонатусом.⁶⁵

В переводы включены основные части немецких газет — то есть, судя по ним, оставалась тенденция переводить большинство приходящих материалов полностью, вместо того чтобы резюмировать и существенно сокращать отдельные донесения, как это будет принято позднее, в эпоху международной почты. Новости, шедшие через Штеттин, касались военных действий в Силезии, Померании и на восточном фронте — в Нидерландах и на Рейне. Естественно, много было подробных донесений о шведских войсках. Отдельные сообщения из Гамбурга и Лондона достаточно подробно освещали последние события гражданской войны в Англии. Поступали сообщения о продолжающихся политических беспорядках во Франции. О Дании было мало информации и совсем ничего не было сказано о возможном браке в Москве, потому что он еще не успел привлечь большого внимания немецкой прессы.

Однако нет сомнений, что московские власти были заинтересованы в получении как можно большей информации о подготовке к визиту принца Вальдемара. Непосредственно перед длинной подборкой новостных сообщений от Филимонатуса (полученных в Москве 3 ноября) в оригинальном архивном свитке имеется сводка, которая, должно быть, составлена в Посольском приказе в Москве из различных писем, написанных иностранным купцам в сентябре и октябре.⁶⁶ Хотя повреждение рукописи не позволяет рассмотреть некоторые даты, очевидно, что переводы были сделаны в разное время. Имеется письмо, написанное в Таллине 9 сентября и переведенное в Москве 6 октября. Другое письмо было написано 16 октября. Хотя некоторые письма касаются сражений в Померании, письмо от Хендрика Портена (Hendrick Porten) Давыду Миколаеву Рутсу (David Nikolasz. Ruts) сообщает, что Петер Марселлис получил дворянский титул в Дании (это произошло

гипотетически. В оригинальной рукописи № 6 следует сразу после двух писем из Польши и так же, как и следующая за ним единица, письмо Филимонатуса, написанное в Риге 15 октября, которое было получено и переведено в Москве 3 ноября. Шибли отмечает, что, скорее всего, эти новости были предоставлены Филимонатусом (см.: *Schibli R. Die ältesten russischen Zeitungsübersetzungen (Vesti-Kuranty), 1600—1650. S. 91*). За № 9 и 7 (именно в таком порядке) непосредственно следует письмо датского резидента Питера Биби, посланное из Стокгольма 7 октября, возможно, в Копенгаген. Зато в последующих единицах все материалы мы можем приписать Филимонатусу. Возможно, источники новостей для № 7 и 9 были предоставлены Марселлисом: газеты, опубликованные в Данциге, могли быть приобретены им, когда он проезжал через город в конце октября или начале ноября, хотя они уже несколько устарели к тому моменту. Сопроводительное письмо Филимонатуса, относящееся к содержанию вложенных материалов, похоже, подтверждает, что переводы «без указания атрибуции» (№ 7 и 9) фактически исходят из газет, которые он доставил. В частности, он подчеркнул, что в новостях есть подробности о Крокове в Померании (см.: В-К II. № 11. С. 42—43). В № 6 имеется очень мало новостей об этом, но значительное количество — в № 7 и 9. Письмо Биби (см. ниже) могло быть перехвачено шведской разведкой и не прибыть в Москву через Марселлиса, хотя также возможно, что оно прибыло с донесением от Марселлиса в той же почте, что и один из пакетов с новостями от Филимонатуса.

⁶⁵ Среди газет, бывших источниками, есть: *Post-Zeitung (Гамбург)*. 1643. Pr. № 37; *Wochentliche Zeitung (Гамбург)*. 1643. № 37, 38; *Particular Post Hamburger und Reichs-Zeitung (Гданьск?)*. 1643. № 26, 27 и 28; неустановленная газета (Гданьск?). 1643. № 37. Копии этих газет хранятся в Москве, большинство с аннотацией «переведено».

⁶⁶ В-К II. № 10. С. 38—40.

17 сентября)⁶⁷ и что для Вальдемара делают новую карету, чтобы ездить по Москве. В другом письме также упоминаются новости о Марселесе и карете и говорится, что Вальдемар уже едет через Польшу. Упоминается печатный вестовой листок из Гданьска с информацией о постановлении о торговле; однако здесь нет никаких свидетельств того, что копия его была получена в Москве. Такие сводки подчеркивают, в какой степени московские власти отслеживали переписку постоянно проживающих в стране иностранных купцов для сбора разведывательных данных независимо от того, давали им адресаты писем такое разрешение или нет.⁶⁸

Многие письма Филимонатуса содержали сведения об окружении Вальдемара и его успехах. Письмо от 5 ноября кратко сообщало о том, что первоначальные планы Вальдемара плыть до Нарвы изменились, и вместо этого он решил ехать до Данцига и оттуда через Польшу. Корабли с большим количеством припасов и провианта были отправлены в Ригу, но один пропал во время шторма и до сих пор не появился.⁶⁹ В постскриптуме письма, отправленного из Риги 13 ноября, была новость о шталмейстере Вальдемара, которого отправили в Москву для доставки всех лошадей.⁷⁰ В других письмах повторялись новости о прибытии Вальдемара в Данциг. Филимонатус сообщал, что исчезнувший корабль затонул около побережья Курляндии. В утраченной части груза были фейерверки, специально изготовленные для этой поездки, но кровать из слоновой кости удалось спасти.⁷¹ В постскриптуме к этому письму Филимонатус повторил свое предупреждение, посланное за две недели до того, что Шлакову нужно быть осторожным в любых отношениях с датчанами (датским контингентом), поскольку Петер Марселес приобрел влияние и уважение со стороны как русских, так и датчан. К тому же имелась проблема с жалобой на одного из слуг Шлакова, к которой имел отношение шведский резидент Крузебьерн.⁷² Набор сводок с донесениями из Гданьска от 30 ноября и 1 декабря и другой — из Штеттина, хотя и не приписываются Филимонатусу, скорее всего, были от него и, возможно, получены были в Москве где-то в январе.⁷³ Большая запись (очевидно, часть статьи о Гданьске от 30 ноября) сообщала о том, как люди Вальдемара говорили

⁶⁷ См. *Amburger E.* Die Familie Marselis: Studien zur russischen Wirtschaftsgeschichte. Gies-sen, 1957. S. 90.

⁶⁸ Перехват иностранной почты включал как отправляемые, так и получаемые письма. В качестве примера первого см. отрывки: В-К II. № 100. С. 209—210. Впечатляющий пример компиляции входящих писем составлен примерно из 18 писем, датированных с апреля по август 1645 г. Большинство писем датированы концом августа, и многие были отправлены из Таллина. Среди корреспондентов, писавших Петеру Марселесу и Давыду Николаеву Рутсу, был не кто иной, как Адам Олеариус. См.: Вести-Куранты: 1645—1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов; под ред. С. И. Коткова. М., 1980. № 10. С. 39—44. Далее — В-К III.

⁶⁹ В-К II. № 24. С. 66.

⁷⁰ В-К II. № 23. С. 59. Возможно, это тот же самый Эбгард / Эберхард (Ebgart / Eberhard?), с которым Грелле послал Вейгеру в Псков некоторые письма Филимонатуса.

⁷¹ В-К II. № 28. С. 72.

⁷² Что точно произошло, неясно, поскольку рукопись повреждена и, в любом случае, повод, по которому возник данный спор, не изложен. Эта записка непосредственно предшествует тому месту письма, где Филимонатус передает приветствия Шлакову от своей семьи и, таким образом, оно может относиться к их личным делам, не имеющим ничего общего с политическими сложностями, связанными с визитом Вальдемара.

⁷³ В-К II: № 29. С. 74—76.

о вероятности конфликта между Россией и Швецией и как шведский резидент в Москве (Крузебьерн) распространял слухи, что Вальдемар был внебрачным сыном, надеясь сорвать брачные переговоры. Вальдемар собирался лично разобраться с этим оскорблением после прибытия в Москву. В конце июня 1644 г. Филимонатус писал из Гданьска о поездке Вальдемара и подробно описывал, как его приезд в Россию освещался на Западе.⁷⁴

Учитывая, что он имел доступ к источникам из Польши, удивительно, что Филимонатус относительно скупо сообщал о событиях на юге, где шли столкновения с татарами и существовала угроза возобновления войны между Польшей и Османской империей. В одном из его писем из Гданьска сообщалось о большом вторжении татар, воспользовавшихся возможностью перейти по льду замерзшую реку.⁷⁵ Были неподтвержденные слухи о победе (вероятно, поляков). Слух подтвердился, поскольку Филимонатус смог передать из Гданьска новости, которые, вероятно, прибыли в Москву 14 апреля. В основной статье содержался репортаж из польского лагеря на Украине от 10 февраля о полном разгроме татарской армии.⁷⁶ Это была битва под Охматовом (30 января), где много татар утонуло, когда лед проломился. О ней широко сообщалось в европейских новостях, она считалась «величайшей победой [Польши] над татарами в первой половине XVII века» и высшим достижением гетмана Станислава Конецпольского.⁷⁷

Письмо Питера Биби, резидента Дании в Стокгольме, от 7 октября 1643 г., адресованное Марселису, который в то время все еще был в Копенгагене, дает другой взгляд на противоречия, развивающиеся в связи с визитом Вальдемара.⁷⁸ Хотя это письмо могло быть переправлено Марселисом в Москву, также есть вероятность, что оно было перехвачено шведами и отправлено в Москву Филимонатусом, когда он был в Риге. В архивах нет указания на то, кто точно передал его в Посольский приказ, где перевод был помещен среди материалов, прибывших поздней осенью от Филимонатуса. Письмо представляет определенный интерес, поскольку в нем сообщается о дошедших слухах, что живущий в Москве швед Крузебьерн впал в немилость. Русские настаивали на том, чтобы его отозвали, якобы потому, что в Стокгольме тоже уже не было русского представителя в подобной должности. Биби также сообщал, что члены шведской знати были очень недовольны новостями о попытках Москвы устроить брак с датским наследником, видя в перспективе российско-датского союза угрозу интересам Швеции.

⁷⁴ В-К II: № 78. С. 178—183.

⁷⁵ В-К II: № 53. С. 114.

⁷⁶ В-К II: № 63. С. 131.

⁷⁷ См. *Kolodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011. P. 154; *Czapliński W.* Stanisław Koniecpolski h. Pobóg ok. 1594 — 1646-03-11 (Biogram został opublikowany w latach 1967—1968 w XIII tomie Polskiego Słownika Biograficznego. URL: <https://www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/stanislaw-koniecpolski-h-pobog-zm-1646-hetman-wielki-koronny> (дата обращения: 18 февраля 2022 г.)). Хотя неясно, упоминал ли Филимонатус его по имени в своем донесении о битве, смерть Конецпольского 11 марта 1646 г. была вкратце упомянута в более поздней сводке переведенных новостей: В-К III: № 17. С. 64. Эти новости могли привлечь внимание российских официальных лиц, учитывая ту важную роль, которую он играл, будучи одним из польских военачальников в борьбе против России в Смутное время и в польско-шведской войне 1620-х гг.

⁷⁸ В-К II: № 22. С. 58.

Последний пакет писем Филимонатуса, посланный из Гданьска в конце мая или начале июня 1644 г., содержал большую подборку новостей, большая часть которых была, вероятно, почерпнута из местных газет.⁷⁹ Даты донесений разные — с 19 марта до 28 мая. Два сообщения с этой последней датой пришли из Штеттина; третье, тоже из Штеттина, было датировано пятью днями раньше, что наводит на мысль, что источники в газете могли быть напечатаны незадолго до того, как Филимонатусу нужно было отправлять пакет. Неудивительно, что большая часть новостей касалась датско-шведского конфликта. Накопление такого количества писем и диапазон дат в прилагаемых новостях позволяют предположить, что Филимонатусу, должно быть, было трудно найти надежного курьера, что, возможно, позволяет нам догадаться о причине, почему это было его последнее отправление, сохранившееся в Москве. Он намекает на это в своих письмах и отмечает, что для отправки новостей специальным курьером требуются средства, которых у него нет. Большей частью эти письма повторяют его предыдущие просьбы, чтобы Шлаков написал ему и добился для него должности царского вестовщика.

В одном письме указано, что он вкладывает копию договора, согласно которому трансильванский князь Дьердь Ракоци вступит в войну на стороне Швеции и письмо от Ракоци венгерским магнатам. Хотя эта декларация была выпущена 17 февраля 1644 г., договор относится к апрелю предыдущего года. Включение обоих документов в один пакет, несомненно, объясняется тем фактом, что оба были напечатаны отдельными брошюрами предположительно в одно и то же время в начале 1644 г.⁸⁰ В последнем из писем он

⁷⁹ В-К II. № 75, 73. С. 170—175, 150—167. Подборка новостей (№ 73), не имеющая точной связи с Филимонатусом, следует непосредственно в оригинальном архивном свитке за шестью сообщениями, которые были получены от него. Содержание большой подборки новостей соответствует тому, что можно было бы ожидать от него, если бы он получил и отправил их. Хотя Ингрид Майер указывает на «Post Hamburger und Reichs-Zeitung» как на возможный источник одного из новостных сообщений в данной подборке, это кажется нам маловероятным. (См.: В-К II. № 73. С. 164; *Maier I. Verbalrektion in den "Vesti-Kuranty" (1600—1660). Teil 2. S. 456.*) Тексты, безусловно, совпадают не полностью, и похоже, что в переведенной подборке новостей ничего другого из этой газеты не было, а даты в газете в целом отличаются от дат в донесениях Филимонатуса. Более вероятным источником большинства этих новостей была газета из Данцига «Particular Post Hamburger und Reichs-Zeitung», которая, как мы знаем, была получена Филимонатусом и копии которой он даже отправлял в Москву. К сожалению, не сохранилось копий этой газеты с интересующими нас датами, которые могли бы позволить нам подтвердить данную гипотезу.

⁸⁰ Договор между шведами и Ракоци был опубликован: *Vergleichung Zwischen Ihr Königl. Mayest. zu Schweden Herrn General Feldmarschalln Leonhard Torstensohn / Und I.F.G. Georg Ragotzky Fürsten in Siebenbürgen. 1644, [s. 1.] (VD17 35:728171X; копия в Ростоке: Universitätsbibliothek, Jk-1039.5; другой репринт договора — VD17 14:005511V).* Декларация Ракоци венгерским магнатам была опубликована в немецком переводе с латинского в нескольких брошюрах в 1644 г., одна из которых именно та, которую послал Филимонатус. Ни в одной не указано место публикации. См., например: *Manifest Des Fürstens in Siebenbürgen Georg Ragotzky Wodurch er denen gesampften Ungarischen Ständen die Ursachen und Motiven / so ihn bewegen wider die Röm. Käyserliche Majestät und dero Glaubens und Bunds-Genossen die Waffen zuergriffen / zu verstehen gibt. Aus dem Latein ins Teutsche versetzt und gedruckt im Jahr 1644 (VD17 28:732421H; копия в Ростоке: Universitätsbibliothek, Jk-1039.4).* Учитывая то, что Грелле закончил университет в Ростоке, можно предположить, что брошюры, которые он послал в Москву, вполне могли быть копиями печатных изданий, которые сейчас хранятся в Ростоке. О вмешательстве Ракоци в войну см.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1 / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. С. 172—175.

упоминает, что послал копию шведского обоснования войны против Дании и ответ датчан.⁸¹ Ни одного из этих текстов нет в переводах, которые сохранились в оригинальной архивной рукописи вместе с последними письмами Грелле. Для подтверждения источников, указанных здесь, придется дожидаться, когда будут обнаружены либо оригинальные брошюры, либо их современные русские переводы, которые, возможно, находятся в каком-то другом архивном фонде. Несомненно, что многие такие открытия еще могут быть сделаны.⁸²

Заключение

В письмах Филимонатуса имеется множество доказательств, подтверждающих их ценность для информирования российских властей о фактах, слухах и зарубежных сообщениях о визите Вальдемара. В процессе переписки подчеркивается, как растущая напряженность между Швецией и Данией могла повлиять на отношения России с обеими странами. Кроме новостей о визите Вальдемара, в письмах и вложениях, полученных из источников в Балтийском регионе и Польше, содержалось много информации о соотношении военной мощи в регионе. Когда шведы вытеснили имперские войска из Померании и подписали временное перемирие со Священной Римской империей, Швеция могла выступить против Дании. Поэтому в новостях было много подробностей о шведских войсках, захвате датских территорий и ответных действиях Дании.⁸³ В своем письме Матвею Вейгеру и в письме Шлакову (под именем Филимонатуса) с той же датой, 16 января 1644 г., Грелле оценил новости о шведском вторжении в Гольштейн (княже-

⁸¹ Без русского перевода, конечно, невозможно узнать точный источник информации. Однако имеется брошюра с подобным содержанием: Kurtzer und summarischer Bericht der Ursachen welche man so wol in Nieder-Sachsen den See-Städten als auch bey etlichen Schwedischen Officieren per Discursum vernimbt warumb der Einfall in Hollstein erfolgt seyn solle. Gedruckt im Jahr 1644 (VD 17 28:732424F; копия в Ростове: Universitätsbibliothek, Jk-1039.3). Как указано выше (примеч. 80), возможно, не случайно, что эта брошюра и брошюры с документами Ракоци сохранены одна за другой под одним переплетом в библиотеке Ростова. Если все они были напечатаны в местной типографии, они могли легко попасть в руки Грелле в Данциге. Одно издание, содержащее шведское обоснование, хоть и без ответа датчан, было опубликовано в Гамбурге (VD17 35:722938S; полный текст недоступен в электронном виде), есть также версия этой брошюры, якобы переведенная с голландского на немецкий и опубликованная в Амстердаме 23 апреля 1644 г., в которой отсутствует письмо короля Дании (VD17 547:712375K).

⁸² В качестве другого примера, когда Филимонатус послал напечатанную брошюру, оригинал которой был идентифицирован и перевод сохранился в тех же документах, что и его письма, см. выше, примеч. 61. Несмотря на то, что он не участвовал в этом, одним из ранее неизвестных печатных источников курантов было донесение о важной морской победе Швеции над датчанами, см.: Außführliche Relation Von dem starcken See-Treffen / welches zwischen beyden Königl. Als Schwedisch. und Dähnischen Flotten den 13. 23. Octobris zwischen Laland und Fämem vorgangen / worinnen die Dähnische mehrentheils ruiniret und gefangen worden / [Extract Schreiben des Herrn General Major Carel Gustaff Wrangels Excell. an einen vornemen Königl. Schwedischen Bedienten in Nieder-Sachsen / datum auff der Königl. Flotta im Schiff Smalandische Löw vor Christina Priß den 17. Octobris]. Wißmar, 1644 (VD17 23:317318F; копия: Wolfenbüttel, Herzog-August-Bibliothek, Gs Kapsel 7 (25)). Полные и частичные копии переводов есть в В-К II, а небольшие различия в текстах можно приписать тому, что они делались разными переводчиками (см.: В-К II. № 94, 95. С. 199—201). Вероятно, оригинал был частью пакета новостей, отправленного шведским комендантом в Ливонии своему коллеге в Псков, который затем переслал его в Москву, где он был получен 17 декабря 1644 г. (см. В-К II. № 97. С. 206).

⁸³ Об этих событиях см. *Wilson P. H. The Thirty Years War. P. 685—689.*

ство Вальдемара) как неприятные (недобрые).⁸⁴ Однако Грелле был уверен, что царь был очень заинтересован в получении этих новостей. В письме Филимонатус предупреждал о том, что шведские чиновники в Дерпте внимательно следят за находящимися там агентами Вальдемара и по крайней мере один из них арестован. Поэтому курьеры, которых Вальдемар посылал через Дерпт и Вильно, должны были быть очень осторожными. Возникает вопрос, были бы шведские власти довольны, если бы узнали, что Грелле давал такие советы.

Поскольку сбор, отбор и распространение новостей и тогда, и сейчас почти не бывает беспристрастным и объективным, можно задаться вопросом, кто мог извлечь реальную выгоду от впечатляющего объема информации, которую предоставлял Грелле / Филимонатус, и кто на самом деле извлек такую выгоду. Инициатива, кажется, исходила не от Москвы, а от Грелле из Риги, который считал, что у него есть в Москве подходящий человек (Шлаков), который мог бы выступать в качестве его агента.⁸⁵ Грелле, без сомнения, приложил некоторые усилия, чтобы Шлаков был им доволен, стараясь выполнить его поручения, и по крайней мере один раз без просьбы последнего прислал ему в подарок лимонов и сушеной рижской камбалы.⁸⁶ Однако Шлаков, кажется, ни разу не отозвался ни какой-либо финансовой компенсацией из собственных денег, ни устройством Грелле на московскую службу в качестве вестовщика. Более того, по крайней мере в российских документах нет никаких указаний на то, получал ли Грелле какую-нибудь важную разведывательную информацию взамен, если это было его действительной целью. Когда его источники иногда упоминали новости из российской столицы, остается неясным, кто предоставлял их. По крайней мере, его план относительно России, если он осуществлялся без разрешения шведских властей и если он не удался, не нанес ущерба его карьере.

Шлаков, возможно, считал, что регулярные новостные сводки можно было бы использовать в Москве в своих интересах. Если бы у него была договоренность с Посольским приказом, что он заинтересован в таких донесениях, это могло бы принести Шлакову выгоду. Однако, возможно, единственной действительно ценной информацией для него лично были предупреждения, которые послал Грелле, что ему следует соблюдать осторожность в своих сделках со шведским резидентом и с окружением Вальдемара. Как оказалось, Шлаков мало что мог сделать, как только выяснилось, кто он на самом деле. Использование в своих интересах контакта с Ригой, по крайней мере, позволило ему заказывать из-за границы предметы, которые могли повысить его престиж в Москве.

Возможно, больше всего выгоды из писем Филимонатуса извлекли московские власти, поскольку в них содержалась конфиденциальная информация, передаваемая через хорошо развитые шведские разведывательные сети

---

⁸⁴ В-К II. № 46, 48. С. 104, 106.

⁸⁵ Деятельность Грелле не является исключением. Как показывает Хейко Дросте, были и другие шведские чиновники, которые также стали вестовщиками для высокопоставленных лиц в обмен на вознаграждение или другие льготы. См.: *Droste H. The Business of News. / Tr. by Madeleine Hurd. Leiden; Boston, 2021.*

⁸⁶ В-К II. № 25. С. 69.

в Балтийском регионе.⁸⁷ Это происходило в то время, когда еще не существовало подобной регулярной доставки зарубежных новостей в Москву. Возможно, не взяв его на службу, они упустили возможность узнать гораздо больше. В контексте брачных переговоров с Данией то, о чем сообщал Филимонатус, было ценным. Несмотря на этот поток новостей (а может, и в связи с ним), российские власти чувствовали, что им необходимо иметь больше информации о военных приготовлениях в Ливонии, которые, как они подозревали, были направлены против России в случае заключения русско-датского союза. Отсюда росла важность сбора разведывательной информации воеводами на границах. Иностранных вестей о вопросах относительно безопасности границ даже от высокопоставленного вестовщика-резидента не хватало (или, по крайней мере, им не особо доверяли). Помимо действий пограничной разведки, у Посольского приказа были и другие источники международных новостей.

Список литературы

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб., 1856. Т. 3: 1615—1645. 522 с.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. 288 с.

Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1883. Кн. 3. XI, 559 с.; [10] л. ил.

Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю. М., 2021. 304 с.

Бобров А. Г. Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Демидка Воинов // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 463—476.

Вести-Куранты: 1642—1644 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. М., 1976. 400 с.

Вести-Куранты: 1645—1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов; под ред. С. И. Коткова. М., 1980. 408 с.

Голубцов А. П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. [2], V, 384, II с.

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные Вторым отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1851. Т. 2. [4], IV с., 976 стб., II с.

Исторические портреты патриотов Отечества: [Кол. монография] / Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности; под общ. ред. И. В. Бочарникова. М., 2016. Т. 1. 224 с.

Майер И., Шамин С. Псковское театральное лето 1644 года: Афиша странствующих немецких комедиантов // Родина. 2013. № 8. С. 64—67.

Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI—XVII вв. М., 2007. Кн. 1. 384 с.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1998. Ч. 1. 288 с.

Цветав Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. VIII, 782, II с.

⁸⁷ Прибыв в Гданьск и все еще надеясь на получение работы вестовщиком у русских, Грелле / Филимонатус подчеркнул в письме Шлакову от 10 апреля, что он мог получать информацию из Швеции от вестовщиков в Ливонии, обходя блокированный маршрут через Гамбург и Данию: «...а я с ними добрую ж дружбу держу чтоб (...) от них проведают мочно ж...» (см.: В-К II. № 74. С. 169). Однако получение такой разведывательной информации, включая и новости из Польши, стоило бы ему денег, которых у него не было.

Шамин С. М. Иностранная пресса и русская культура конца XV — начала XVIII столетия: Дис. ... д-ра ист. наук / ИРИ РАН. М., 2020. 627 с.

Щербачев Ю. Н. Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене: 1326—1690 гг. М., 1893. VIII, 343 с.

Amburger E. Die Familie Marselis: Studien zur russischen Wirtschaftsgeschichte. Giessen, 1957. 224 p.; 2 foldout maps.

Droste H. The Business of News / Tr. by Madeleine Hurd. Leiden; Boston, 2021. X, 331 p.

Jensen C., Maier I., Shamin S. Russia's Theatrical Past: Court Entertainment in the Seventeenth Century. Bloomington, IND, 2021. XVII, 297 p.

Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th—18th Century): A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011. XXXVI, 1050, II p., 45 il.

Maier I. Verbalreaktion in den "Vesti-Kuranty" (1600—1660): Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittellrussischen Syntax. Uppsala, 1997. 308 p. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia; [T.] 38).

Maier I. Verbalreaktion in den "Vesti-Kuranty" (1600—1660). Teil 2: Die präpositionale Reaktion. Uppsala, 2006. 466 p. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia; [T.] 45).

Schibli R. Die ältesten russischen Zeitungsübersetzungen (Vesti-Kuranty), 1600—1650: Quellenkunde, Lehnwortschatz und Toponomastik. Bern, etc., 1988. 376 p.

Waugh D. C. Perilustration: the Opening of Foreigners' Mail in Muscovy // Foreigners in Muscovy (1500-1700) / Ed. by W. Mueller and S. Dreher. London (in press).

Wilson P. H. The Thirty Years War: Europe's Tragedy. Cambridge, MA., 2009. XXIV, 997 p.

References

Beljakov A. V., Gus'kov A. G., Lisejcev D. V., Shamin S. M. Perevodchiki Posol'skogo prikaza v 17 veke: Materialy k slovariu. M., 2021. 304 s.

Bobrov A. G. Kopenhagenskij sbornik serediny 17 veka i ego verojatnyj sostavitel' pskovskij strelec Demidka Voinov // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. SPb., 1999. T. 51. S. 463—476.

Istoricheskie portrety patriotov Otechestva / Nauchno-issledovatel'skij centr problem nacional'noi bezopasnosti. Pod obshch. red. I. V. Bocharnikova. M., 2016. T. 1. 224 s.

Majer I., Shamin S. Pskovskoe teatral'noe leto 1644 goda: Afisha stranstvuiushhih nemeckih komediantov // Rodina. 2013. № 8. S. 64—67.

Oparina T. A. Inozemcy v Rossii 16—17 vekov. M., 2007. Kn. 1. 384 s.

Osmanskaja imperija i strany Central'noj, Vostochnoj i Jugo-Vostochnoj Evropy v 17 veke. M., 1998. Ch. 1 / Otv. red. G. G. Litavrin. 288 s.

Shamin S. M. Inostrannaja pressa i russkaja kul'tura konca 15 — nachala 18 stoletija: Dissertacija na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk / IRI RAN. M., 2020. 627 s.

Shherbachev Ju. N. Datskij arhiv: Materialy po istorii drevnej Rossii, hranjashiesja v Kopenhagene: 1326—1690 gody. VIII, 343 s.

Vesti-Kuranty: 1642—1644 gody / Izd. podgot. N. I. Tarabasova, V. G. Dem'janov, A. I. Sumkina; pod red. S. I. Kotkova. M., 1976. 400 s.

Vesti-Kuranty: 1645—1646, 1648 gody / Izd. podgot. N. I. Tarabasova, V. G. Dem'janov; pod red. S. I. Kotkova. M., 1980. 408 s.